

НАРОДНОЙ ПОЛЬШЕ,
ЕЕ МУЖЕСТВЕННЫМ
И ТРУДОЛЮБИВЫМ
ЛЮДЯМ,
НАШЕЙ ДРУЖБЕ
ПОСВЯЩАЕТСЯ
ЭТОТ НОМЕР ЖУРНАЛА

•

NINIEJSZY NUMER
POŚWIĘCAMY
POLSCE LUDOWEJ,
ODWAŻNEMU
I PRACOWITEMU
NARODOWI POLSKIEMU
ORAZ NASZEJ PRZYJAŹNI

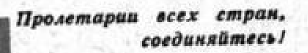

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

46-й год издания

№ 36 (2149)

31 АВГУСТА 1968

В воскресенье в варшавском парке Лазенки, у подножия памятника Фредерику Шопену, открывается крышка рояля. Выходит пианист. И умолкает парк. И слушают сотни людей музыку. Вспоминают, размышляют... О себе, о своем народе, о своей стране. Потому что поляк не понял бы себя без Шопена, прошлого и будущего своей страны — без его музыки.

МЫ НАЧИНАЕМ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ С ЭТОЙ ВСТРЕЧИ, СО ВСТРЕЧИ С ШОПЕНОМ, ЧЬЕ СЕРДЦЕ ВСЕГДА ПРИНАДЛЕЖАЛО НАРОДУ ПОЛЬШИ, И С ЛЮДЬМИ, КОТОРЫЕ ПОНИМАЮТ И РАЗДЕЛЯЮТ ЕГО ЛЮБОВЬ.

Никто и ничто нарушить не в силах

Юзеф ЦИРАНКЕВИЧ,
Председатель Совета Министров ПНР

Дорогие друзья! Мы стоим на пороге 25-летия образования народной Польши, годовщины, символизирующей путь революционных изменений, на который вступила наша страна 24 года тому назад. Юбилею возрождения Польши предшествует 50-я годовщина обретения ею независимости в 1918 году.

Эти две даты, совершенно различные по своей общественной сущности и охватывающие бурную историю нашей страны и народа за последние полвека, связаны с Великой Октябрьской социалистической революцией, с борьбой советских народов за построение социалистического строя.

50 лет назад декреты молодой Советской власти признали «за польским народом неотъемлемое право на самостоятельность и единство». 25 лет назад героическая борьба Советской Армии поддержала вооруженные усилия польского народа в боях за освобождение от гитлеровского ига.

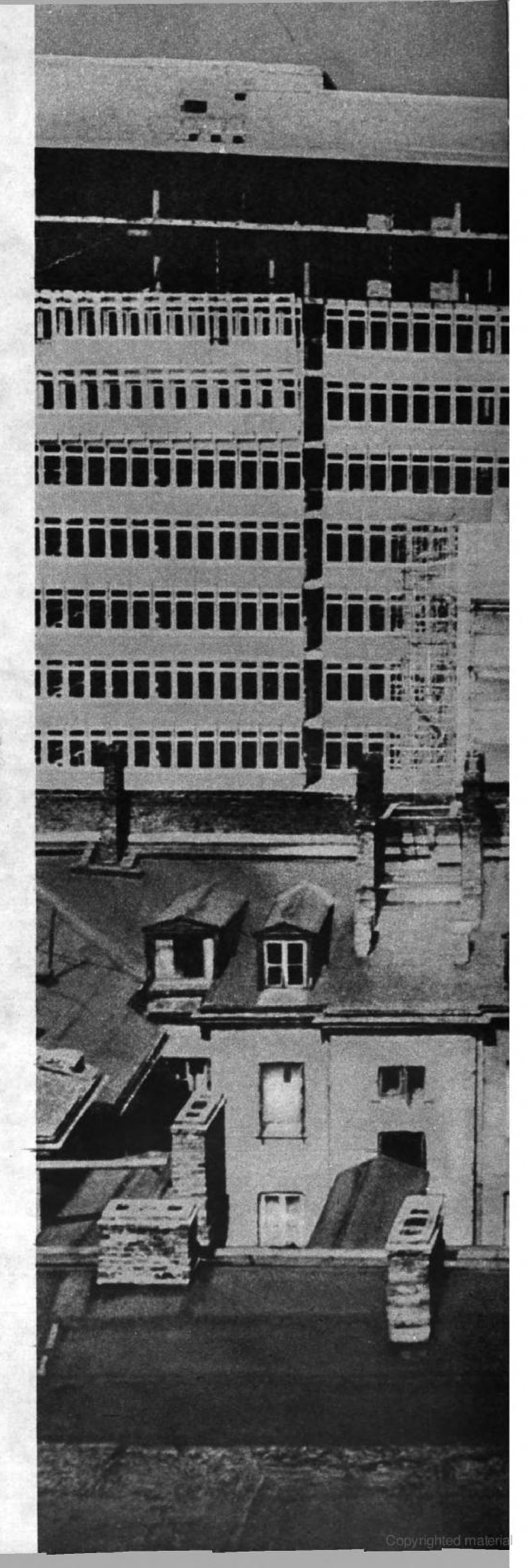
Победа над фашизмом и освобождение польских земель от Буга до Одры открыли новую страницу в истории нашего народа — Польша вступила на путь социалистического строительства, всестороннего экономического развития страны, создания идейно-политического единства народа.

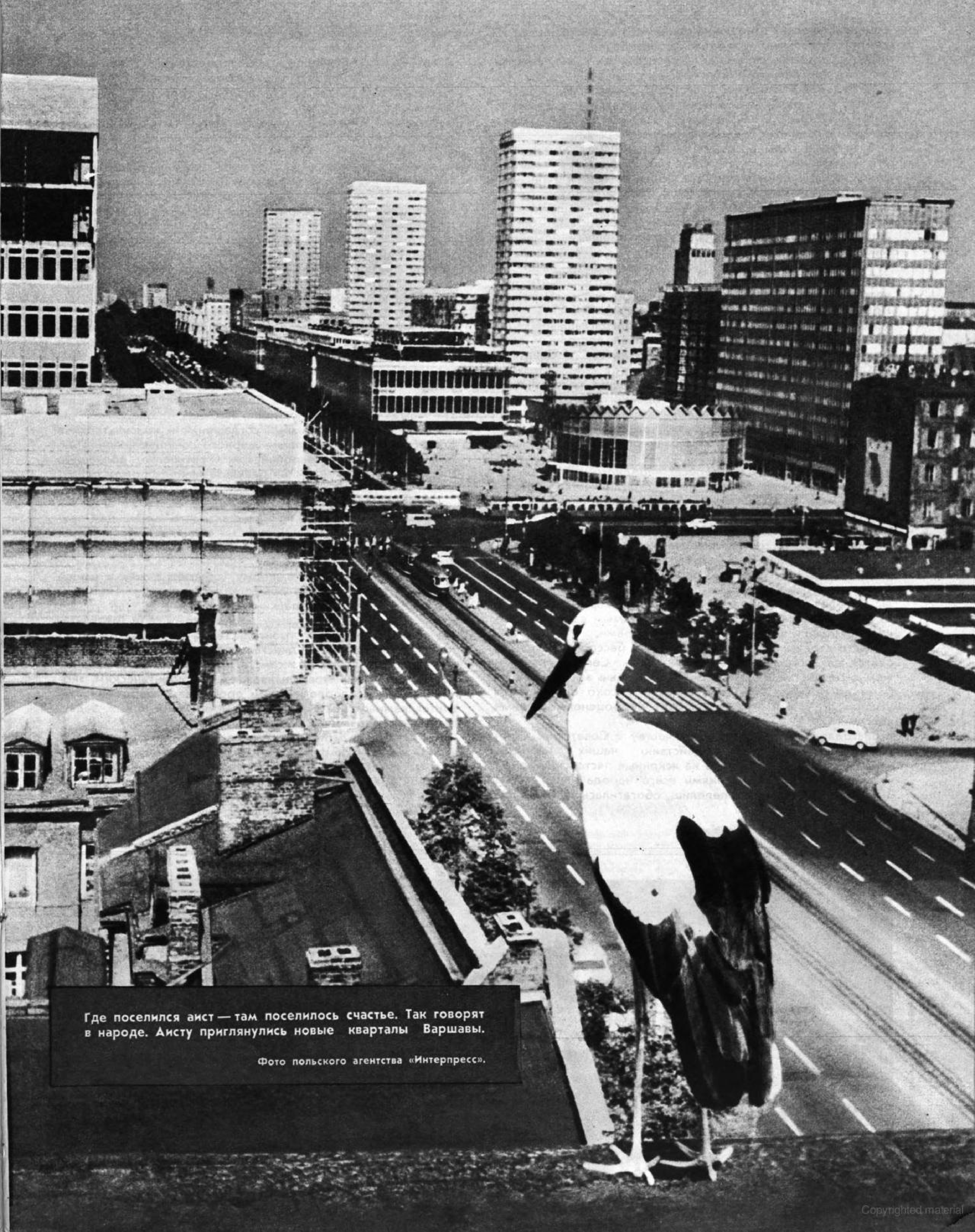
25-летний юбилей народной Польши будет торжественно отмечаться всем народом, он явится периодом подведения итогов наших достижений во всех областях социалистического строительства, моментом, когда, оглянувшись назад, на пройденный путь, мы оценим наши достижения, не забывая о существующих еще недостатках и диспропорциях, и наметим дальнейшие перспективы развития Польши.

Усилием одного поколения Польша из отсталой капиталистической страны, понесшей огромные жертвы в годы войны, превратилась в государство современной промышленности, в страну новых, социалистических общественных отношений. На политическую, экономическую карту современной Европы мы вписали новую, социалистическую Польшу.

Сегодняшний облик народной Польши, наши большие достижения во всех областях социалистического строительства — дело рук всего народа, его партии и народной власти. Эти достижения были бы невозможны без самоотверженного труда передовой силы нашего общества — рабочего класса, трудового крестьянства, широких отрядов талантливых инженеров, научных работников и всех слоев трудящейся интеллигенции.

Большое участие в общественных изменениях, которые совершились в народной Польше, в восстановлении и развитии народного хозяйства, в формировании новых,

Где поселился аист — там поселилось счастье. Так говорят в народе. Аисту приглянулись новые кварталы Варшавы.

Фото польского агентства «Интерпресс».

социалистических отношений принимает мужественная и талантливая польская молодежь, вовлеченная в каждодневный труд страны, связанная неразрывными узами с партией и ее программой строительства социализма.

Оглядываясь назад, на годы строительства основ народной власти, сопоставляя нынешние наши успехи и достижения с тем, что было в начале пути, мы всегда вспоминаем дружбу и помощь советских народов.

В трудные годы восстановления народного хозяйства и его индустриализации, в период реконструкции и модернизации промышленности и всех областей нашей экономики мы использовали опыт и помощь Страны Советов. Сознание того, что в нелегкой борьбе и труде Польша не одинока, что мы можем в любую минуту рассчитывать на помощь советских людей, являлось существенным моментом, мобилизующим наше общество.

За 25 лет строительства новой, народной Польши на практике реализована идея дружбы и братского сотрудничества наших народов во всех областях жизни. Народная Польша последовательно воплощает в жизнь заветы польских патриотов и революционеров, провозглашавших лозунги дружбы и сотрудничества с нашим восточным соседом, с русским народом и с другими народами Советского Союза.

Всесторонни и богаты достижения нашего хозяйственно-экономического, политического и идейного сотрудничества по самым насущным проблемам современного мира.

Экономическое сотрудничество, начавшееся бескорыстной помощью Советского Союза разрушенной войной Польше, переросло в плодотворную совместную хозяйственную деятельность в интересах народного хозяйства обеих стран. Ярким примером этого сотрудничества является закупленное в СССР самое современное промышленное оборудование для таких предприятий, как металлургический комбинат имени В. И. Ленина в Кракове, металлургический завод «Варшава», завод легковых автомобилей в Жерани[1], и многих других предприятий динамически развивающейся современной промышленности. Польские суда, химические предприятия и сахарные заводы, изделия польской промышленности находят рынок сбыта в Советском Союзе, который стал самым важным партнером Польши в области обмена товарами.

Место страны в современном мире, бесспорно, определяется ее экономическим потенциалом. Сегодня мы можем с гордостью сказать, что измеряемые этими масштабами достижения народной Польши высоко оцениваются нашими друзьями и не могут быть недооценены нашими врагами.

Благодаря дружбе и сотрудничеству с Советским Союзом, братскому взаимодействию наших народов, народная Польша вернулась на исконные пястовские земли на западе и севере. Усилиями всего народа наша страна была поднята из руин и пепелищ, обогатилась сотнями новых промышленных предприятий. Промышленный потенциал по отношению к потенциалу предвоенной Польши увеличился в одиннадцать раз. Развилось и стало современным сельское хозяйство, производительность которого возросла в два раза по сравнению с предвоенными годами.

Народная Польша создала систему всеобщего демократического образования, осуществила великую революцию в области культуры. В пять раз увеличилось число молодежи, обучающейся в высших учебных заведениях, готовящих новые кадры высококвалифицированных специалистов, которые будут продолжать дело развития социалистической Польши. В невиданных до сих пор масштабах расширилась система социального обеспечения, которой пользуется сегодня подавляющее большинство народа.

Подводя итоги наших достижений во всех областях социалистического строительства, не надо забывать, что место народной Польши в современном мире определяется также ее военным потенциалом и оборонительными военными союзами, обеспечивающими прочность и безопасность наших границ, мирный труд народа. Еще никогда границы Польши не были так прочны. Их охраняет не только постоянно развивающийся военный потенциал нашей страны, но и военная мощь Советского государства и вся оборонная система Варшавского договора.

Совместная с Советским Союзом деятельность в области международной политики, прочная, проверенная на практике система взаимных соглашений и консультаций в деле борьбы за укрепление мирного сосуществования народов, особенно на европейском континенте, полностью оправдали себя и являются результативной формой реализации идей дружбы.

Сила народной Польши, ее значение, ее место в современном мире вытекают из того факта, что нынешняя Польша принадлежит к мощной системе социалистических стран и является важным и крепким звеном социалистического содружества.

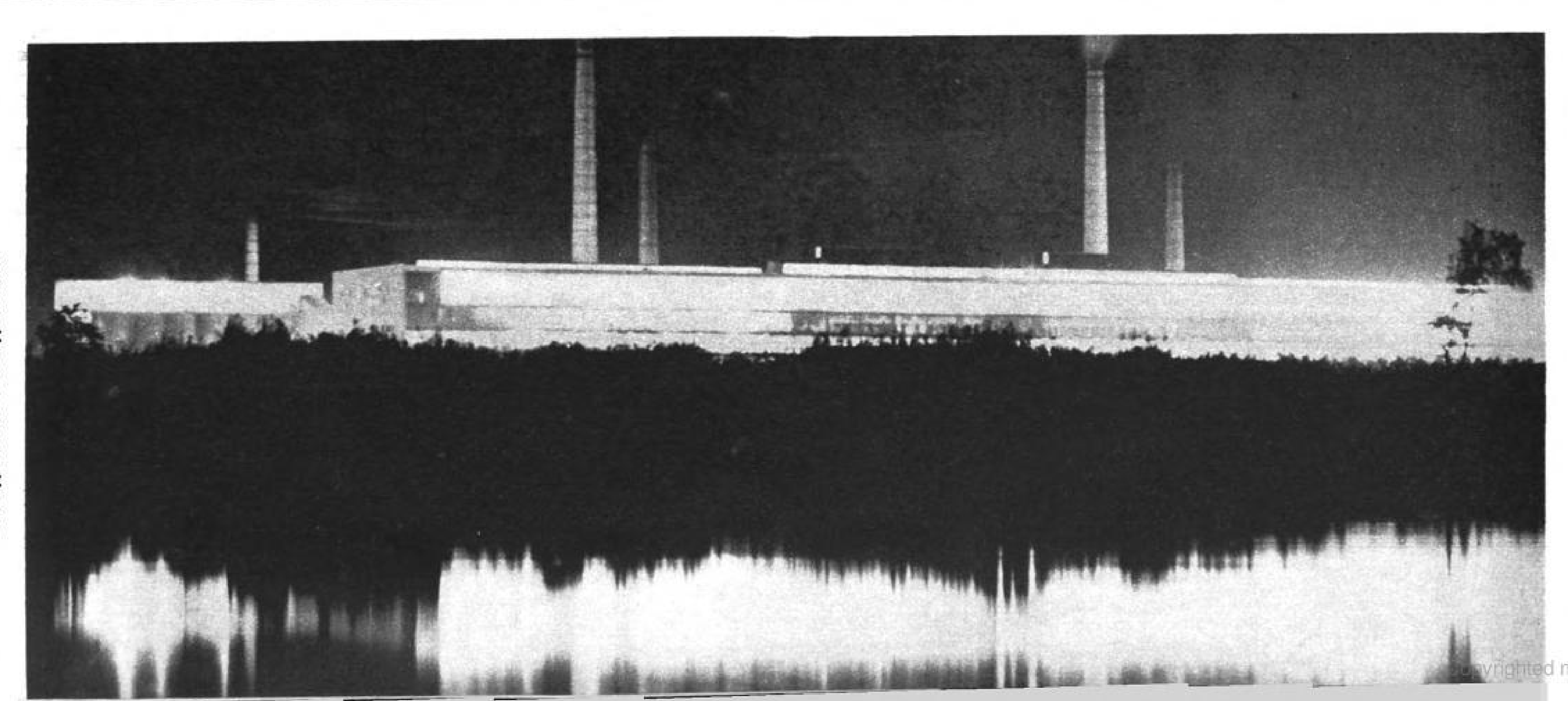
Мы приближаемся к важному событию в жизни нашей партии, в жизни нашего общества — V съезду Польской объединенной рабочей партии.

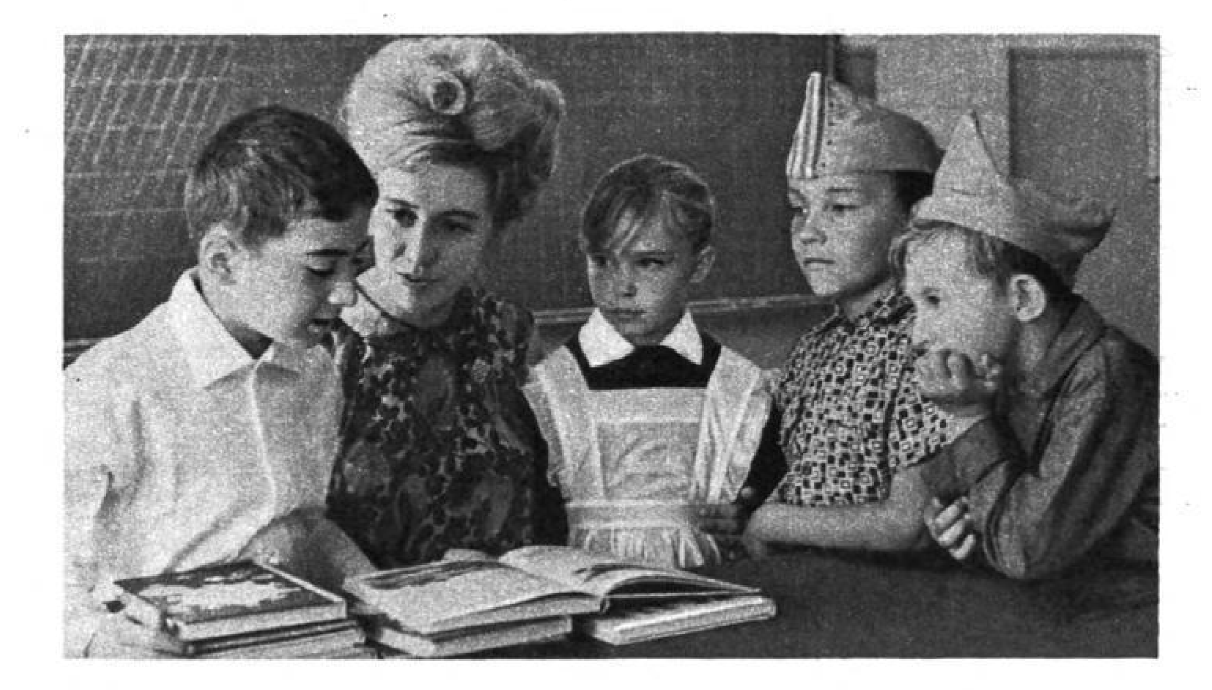
Съезд партии даст оценку пройденному пути, результатам социалистического строительства, формированию политического и идейного единства польского народа. Дискуссия по съездовским тезисам, определяющим отношение польских коммунистов к наиважнейшим политическим, экономическим и идеологическим проблемам современности, явится важным шагом вперед в начертании новых задач, стоящих перед нашей партией и народом.

Руководящим мотивом тезисов съезда и сформулированной в них программы является укрепление пролетарских уз интернационализма, дружбы и сотрудничества со Страной Советов.

Эту дружбу, которая является залогом наших успехов и гарантией безопасности Польши, никто и ничто нарушить не в силах.

[1] Промышленный район в Варшаве.

Завод стекла в Сандомеже.

3 + 2 = 2 + 3

2 СЕНТЯБРЯ ГОСТЕПРИИМНО ОТКРОЮТСЯ ДВЕРИ ТЫСЯЧ ШКОЛ. ЗА ПАРТЫ СЯДУТ 50 МИЛЛИОНОВ РЕБЯТ — ПОЧТИ ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ ВСЕХ ЖИТЕЛЕЙ НАШЕЙ СТРАНЫ. ЧТО НОВОГО ЖДЕТ ИХ В НАЧИНАЮЩЕМСЯ УЧЕБНОМ ГОДУ?

...Волоколамское шоссе, 12. Московская школа № 140. Заслуженная учительница РСФСР А. М. Галкина показывает нам четыре новеньких, только что из книжного магазина, учебника: голубой букварь, синелиловую, с раскиданными по небу звездами «Звездочку» для чтения, учебники по русскому языку и математике: на обложке цветок, над которым кружатся мотыльки — два черных и три голубых, три голубых и два черных. И под ними крупно: «3 + 2 = 2 + 3».

— Все это для первого класса,— говорит А. М. Галкина.— В этом году будем учить по новой программе. И грамоту малыши освоят не к Новому году, а к декабрю. Для нас это, кстати, уже пройденный этап. Наша школа в порядке эксперимента занимается так четыре года, и не было еще случая, чтобы за три месяца хотя бы один ученик не научился бегло читать. Что же касается учебников по математике и русскому языку, то они теперь составлены по программе трехлетней, а не четырехлетней начальной школы. «Математика» начиная уже с первого класса будет содержать элементы алгебры и геометрии.

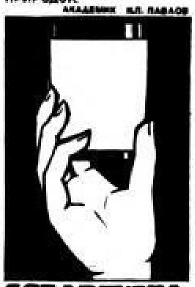
Школа № 140 не исключение.

— В этом году по новой программе начинают заниматься все первые классы Москвы и школ отдельных районов многих областей, краев и республик,— сказал нам начальник Главного управления школ Министерства просвещения СССР В. М. Коротов.— На пересмотренные программы по некоторым предметам повсеместно перейдут и старшеклассники. Школы уже получили соответствующие учебники по географии, физике, литературе и биологии.

Г. ВЛАДИМИРОВА

На снимке: учительница 1-го класса В. А. Власова принимает «первоклашек».

Фото А. Гостева.

ПРИГОТОВЛЕНО ПРИРОДОЙ

Рука высоко подняла стакан, наполненный белой жидкостью. Такова эмблема дней молока, которые с 27 августа проводятся в Москве.

В это время в Москву съехались отдохнувшие за лето ребята — самые ретивые приверженцы молока. В магазинах, кафе, столовых, школьных буфетах их встречают нарядные столы. Там можно отведать разное молоко, творог, плавленые сыры — словом, все, что изготавливают молочные заводы столицы. А их ассортимент велик — 93 наименования.

Естественно, не забыты и взрослые. В крупнейших молочных магазинах Москвы в эти дни организуются выставки-продажи с ассортиментными столами. Покупатели не только дегустируют всякие вкусные вещи, высказывают — устно и письменно — свое мнение о них, но и узнают много любопытного. Санитарные врачи рассказывают им о полезных свойствах молока, советуют, при каком заболевании надо употреблять тот или иной кисломолочный продукт, напоминают о трех основных целебных свойствах молока, которые особо подчеркивал академик И. П. Павлов: «оно есть вещество, требующее всего меньше соков и наиболее слабых», «для молока не обязателен аппетит, без чего не может начаться переваривание другой пищи», «молоко всего меньше требует сил на свое усвоение». Видные кулинары открывают покупателям немало интереснейших рецептов и секретов, подсказывают, как лучше хранить и использовать молочные продукты в домашних условиях.

Около 500 тысяч тонн — вот сколько молока выпивают за год жители столицы. А скоро будут выпивать еще больше. Этому и должны способствовать дни молока, пропагандирующие изумительную, по словам И. П. Павлова, пищу, созданную самой природой.

Н. ВЛАСОВА

1 СЕНТЯБРЯ — ВСЕСОЮЗНЫЙ ДЕНЬ РАБОТНИКОВ НЕФТЯНОЙ И ГАЗОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Поправки к таблице рекордов

Нет, пожалуй, такой отрасли промышленности, хозяйства нашей страны, в которой не находила бы широкого применения нефть, продукты нефтепереработки и голубое топливо — газ. Только предприятия Министерства нефтедобывающей промышленности СССР должны дать в этом году несколько сот миллионов тонн черного золота. Из разных районов поступают сообщения о трудовых успехах добытчиков и разведчиков нефтяных и газовых богатств страны. Победами встречают свой праздник и буровики треста «Татбурнефть». За последнее полугодие они трижды вносили поправки в таблицу своих рекордов. И вот снова установлен новый рекорд проходки! Бригада мастера Петра Бойко скважину глубиной 1 240 метров прошла за 70 часов.

На снимке: бурильщик Тимур Шафигуллин (слева), буровой мастер Петр Бойко и бурильщик Дамир Галимов после трудовой вахты.

Фото Б. Мясникова
Фотохроника ТАСС.

Знамя победы над Донецком

Над Москвой гремели победные залпы двухсот двадцати четырех орудий, в вечернем небе рассыпались разноцветные огни. Так четверть века назад, 8 сентября 1943 года, столица салютовала войскам Южного и Юго-Западного фронтов, освободившим от фашистских захватчиков Донбасс и его областной центр город Донецк.

...Бои за Донецк были упорные, кровопролитные. 6 сентября немецкие войска еще раз сами предприняли наступление. Изрыгая пламя из длинных, с тяжелыми надульниками пушек, поползли фашистские «тигры» и «фердинанды», за ними устремилась пехота. Но советские войска отбили атаку, а на другой день после мощной артиллерийской подготовки опрокинули немцев, ворвались в Донецк и 8 сентября полностью освободили его.

Город горел. Гитлеровцы перед бегством подожгли и взорвали заводы, фабрики. Пламя еще бушевало, а на улицы уже вышли все, кто уцелел, кого не успели уничтожить фашисты. Они обнимали, целовали своих освободителей, которых ждали все годы фашистской оккупации.

Жители Донецка встречают своих освободителей. 8 сентября 1943 года.

Фото Э. Евзерихина.

Сегодня в Донецке. Площадь Ленина.

Фото В. Соболева
Фотохроника ТАСС.

КОММЮНИКЕ О СОВЕТСКО-ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ПЕРЕГОВОРАХ

23—26 августа 1968 года в Москве состоялись советско-чехословацкие переговоры, в которых участвовали:

с Советской стороны — Генеральный секретарь ЦК КПСС т. Л. И. Брежнев, Председатель Совета Министров СССР, член Политбюро ЦК КПСС т. А. Н. Косыгин, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, член Политбюро ЦК КПСС т. Н. В. Подгорный, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР т. Г. И. Воронов, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС т. А. П. Кириленко, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР т. Д. С. Полянский, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС т. М. А. Суслов, член Политбюро ЦК КПСС, председатель ВЦСПС т. А. Н. Шелепин, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Украины т. П. Е. Шелест, секретарь ЦК КПСС т. К. Ф. Катушев, секретарь ЦК КПСС т. Б. Н. Пономарев, министр обороны СССР т. А. А. Гречко, министр иностранных дел СССР т. А. А. Громыко;

с Чехословацкой стороны — Президент ЧССР т. Л. Свобода, Первый секретарь ЦК КПЧ т. А. Дубчек, Председатель Национального собрания ЧССР, член Президиума ЦК КПЧ т. Й. Смрковский, Председатель правительства ЧССР, член Президиума ЦК КПЧ т. О. Черник, член Президиума ЦК КПЧ, первый секретарь ЦК КПС т. В. Биляк, член Президиума ЦК КПЧ, заместитель председателя Словацкого национального совета т. Ф. Барбирек, член Президиума ЦК КПЧ т. Я. Пиллер, член Президиума ЦК КПЧ т. Э. Риго, член Президиума ЦК КПЧ т. Й. Шпачек, член Президиума ЦК КПЧ т. О. Швестка, председатель Центральной контрольно-ревизионной комиссии КПЧ т. М. Якеш, кандидат в члены Президиума ЦК КПЧ, секретарь ЦК КПЧ т. Й. Ленарт, кандидат в члены Президиума ЦК КПЧ т. Б. Шимон, заместитель Председателя правительства ЧССР т. Г. Гусак, секретарь ЦК КПЧ т. А. Индра, секретарь ЦК КПЧ т. З. Млынарж, генерал-полковник, министр национальной обороны ЧССР т. М. Дзур, министр юстиции ЧССР т. Б. Кучера, посол ЧССР в СССР т. В. Коуцкий.

В ходе переговоров были в открытой товарищеской дискуссии обсуждены вопросы, связанные с современным развитием международной обстановки, активизацией происков империализма против социалистических стран, с положением в Чехословакии в последнее время и с временным вступлением на территорию ЧССР войск пяти социалистических стран.

Стороны выразили твердое обоюдное убеждение в том, что в нынешней обстановке главное состоит в осуществлении принятых в Чиерне-над-Тиссой совместных решений и сформулированных Совещанием в Братиславе положений и принципов, а также в последовательном претворении в жизнь практических шагов, вытекающих из достигнутой в ходе переговоров договоренности.

Советская сторона заявила о своем понимании и поддержке позиции руководства КПЧ и ЧССР, которое намерено исходить из решений, принятых январским и майским пленумами ЦК КПЧ в целях совершенствования методов руководства обществом, развития социалистической демократии и укрепления социалистического строя на базе марксизма-ленинизма.

Была достигнута договоренность о мероприятиях, целью которых является скорейшая нормализация положения в ЧССР. Чехословацкие руководители информировали о намеченных ими ближайших мероприятиях, принимаемых ими в этих целях.

С Чехословацкой стороны было заявлено, что вся работа партийных и государственных органов во всех линиях воздействия будет направлена на обеспечение действенных мероприятий, служащих социалистической власти, руководящей роли рабочего класса и коммунистической партии, интересам развития и укрепления дружественных отношений с народами Советского Союза и всего социалистического содружества.

Советские руководители, выражая единодушное стремление народов СССР к дружбе и братству с народами социалистической Чехословакии, подтвердили готовность к самому широкому и искреннему сотрудничеству на основах взаимного уважения, равноправия, территориальной целостности, независимости и социалистической солидарности.

Войска союзных стран, временно вступившие на территорию Чехословакии, не будут вмешиваться во внутренние дела Чехословацкой Социалистической Республики. Была достигнута договоренность об условиях вывода этих войск с ее территории по мере нормализации обстановки в ЧССР.

Чехословацкая сторона информировала о том, что Верховный главнокомандующий чехословацкими вооруженными силами отдал им соответствующие приказы с целью недопущения инцидентов и конфликтов, могущих вызвать нарушение спокойствия и общественного порядка. Он дал также указание военному командованию ЧССР находиться в контакте с командованием союзных войск.

В связи с обсуждением в Совете Безопасности ООН так называемого вопроса о положении в Чехословакии представители ЧССР заявили о том, что Чехословацкая сторона не обращалась с просьбой о постановке этого вопроса на рассмотрение Совета Безопасности и требует его снятия с повестки дня.

Руководители КПСС и руководители КПЧ подтвердили свою решимость неуклонно проводить на международной арене политику в интересах упрочения солидарности социалистического содружества, отстаивания дела мира и международной безопасности.

Советский Союз и Чехословакия, как и прежде, будут давать решительный отпор милитаристским, реваншистским и неонацистским силам, стремящимся пересмотреть итоги второй мировой войны, нарушить неприкосновенность существующих в Европе границ. Вновь подтверждена решимость неукоснительно выполнять все обязательства, взятые ими на себя по многосторонним и двусторонним договорам, заключенным между социалистическими государствами, крепить оборонную мощь социалистического содружества, повышать эффективность оборонительного Варшавского Договора.

Переговоры проходили в обстановке откровенности, товарищества и дружбы.

ВСТРЕЧА ПАРТИЙНО-ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ДЕЛЕГАЦИЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

В Москве по приглашению ЦК КПСС и Советского правительства находились партийно-правительственные делегации Народной Республики Болгарии в составе Первого секретаря ЦК БКП, Председателя Совета Министров НРБ т. Т. Живкова, члена Политбюро, секретаря ЦК БКП т. Б. Велчева; Венгерской Народной Республики в составе Первого секретаря ЦК ВСРП т. Я. Кадара, члена Политбюро ЦК ВСРП, Председателя Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства т. Е. Фока, члена Политбюро, секретаря ЦК ВСРП т. З. Комочина; Германской Демократической Республики в составе Первого секретаря ЦК СЕПГ, Председателя Государственного совета ГДР т. В. Ульбрихта, члена Политбюро ЦК СЕПГ, Председателя Совета Министров ГДР т. В. Штофа, члена Политбюро, секретаря ЦК СЕПГ т. Э. Хонеккера; Польской Народной Республики в составе Первого секретаря ЦК ПОРП т. В. Гомулки, члена Политбюро ЦК ПОРП, Председателя Совета Министров ПНР т. Ю. Циранкевича, члена Политбюро, секретаря ЦК ПОРП т. З. Клишко.

Делегации указанных стран совместно с партийно-правительственной делегацией СССР в составе Генерального секретаря ЦК КПСС т. Л. И. Брежнева, члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР т. Н. В. Подгорного, члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР т. А. Н. Косыгина провели совещание и имели консультации по вопросам, связанным с положением в Чехословакии, и единодушно приняли соответствующее решение.

2 сентября — годовщина провозглашения Демократической Республики Вьетнам.

ПРАЗДНИК НАРОДА-БОЙЦА

Двадцать три года назад в Ханое, на площади Бадинь, товарищ Хо Ши Мин провозгласил образование Демократической Республики Вьетнам. Власть народа родилась на вьетнамской земле в боях против колонизаторов и их марионеток, в волне могучего движения за независимость и демократию. С огромным энтузиазмом народ Вьетнама взялся за строительство своей республики, за переустройство жизни на новых социальных основах.

Но империалистические силы не захотели дать вьетнамцам свободу в этом строительстве. Свое счастье, независимость, мир трудящимся демократического Вьетнама пришлось снова защищать от натиска колонизаторов.

Двадцать три года существует Демократическая Республика Вьетнам. Она существует вопреки всем попыткам сломить народ-герой. И сегодня на вьетнамской земле гремят взрывы бомб и раскаты орудийных залпов. Вьетнам воюет против вторгнувшихся на его территорию американских захватчиков. Военное пламя опалило крестьянские поля, раненые города несут на себе следы варварства агрессоров.

Но стоек и мужествен демократический Вьетнам, бесстрашны его защитники. Они уверены в своей окончательной победе. Их уверенность непоколебима, потому что за эти годы они познали силу борьбы за справедливость, за социализм, за народное счастье — свою силу. Их уверенность непоколебима, потому что они познали мощь солидарности социалистических стран, убедились в том, что братство социалистических народов — это не просто слова, но дела, которые играют огромную роль в борьбе против врага.

В день этого праздника, который приходит во Вьетнам в грохоте боев, советские люди, наша социалистическая Родина вместе с вьетнамцами.

Труд и ратный подвиг — таково содержание жизни сегодня в Демократической Республике Вьетнам.

На снимке: солдат, охраняющий легендарный мост Хамжонг. Этот мост неоднократно подвергался бомбежкам с американских самолетов, но зенитчики ДРВ не позволили им разрушить это сооружение. В боях за Хамжонг сбито около ста американских самолетов.

Фото А. Сербина.

ПИСАТЕЛИ ДВУХ КОНТИНЕНТОВ

Камиль ЯШЕН,
председатель правления Союза писателей Узбекистана

В памяти литераторов никогда не изгладится теплый солнечный день седьмого октября 1958 года. В Ташкенте, в залитом светом зале Театра оперы и балета имени Навои, открылась конференция писателей стран Азии и Африки, поставившая себе задачей укрепление творческих связей и обсуждение путей участия литератур афро-азиатских стран в борьбе за мир и дружбу между народами, за национальную независимость.

Ташкентская конференция создала атмосферу братства и понимания между писателями. Литераторы двух континентов обменялись взглядами по общим проблемам, обсудили пути использования культурных богатств на благо Родины и всего человечества. С горячей страстностью произносились с трибуны слова, проникнутые гуманизмом, стремлением к дружбе, миру и демократии.

Значение конференции в Ташкенте, как и следовало ожидать, вышло далеко за литературные границы. Выраженные в принятом конференцией Обращении к писателям мира принципы солидарности и дружбы, борьбы за мир, национальную независимость, против империализма и колониализма стали программными для прогрессивных писателей.

Идеологи империализма предпринимали тщетные попытки парализовать голоса писателей Азии и Африки, отвлечь их от общенародной борьбы за свободу и мир. Они пытались убедить общественное мнение, что порабощенным народам еще надо дорасти до независимости, что без колониальной опеки, без постоянного влияния на них «западной культуры» эти народы никогда не поднимутся до уровня современной цивилизации. Продажная печать и радио выливали мутные потоки клеветы на каждую честную, правдивую книгу, разоблачающую сущность империализма. Но деятели литературы и искусства афро-азиатских стран все чаще стали выступать против колониального угнетения, внося свой вклад в движение за единство народов Азии и Африки.

Многие афро-азиатские писатели с любовью обращаются к советской литературе, находя в ней могучий стимул для творчества. Они с глубокой заинтересованностью изучают советскую литературу и во многом следуют ее примеру.

Мысль о том, что культурное развитие стран Азии и Африки может быть успешным лишь при наличии очень тесного сотрудничества, что писатели могут содействовать борьбе против колониализма, настолько захватила участников Ташкентской конференции, что послужила толчком к созданию Постоянного бюро писателей стран Азии и Африки.

Время, прошедшее после Ташкентской конференции, было напряженным. Союзы писателей, национальные комитеты по связям с писателями Азии и Африки в СССР, Вьетнаме, Японии, Индии, на Цейлоне и в ряде других стран развернули активную деятельность по укреплению международной солидарности и развитию творческих связей. Писатели Советского Союза приглашали прогрессивных афро-азиатских литераторов в гости и, в свою очередь, выезжали во многие страны Азии и Африки. Советские издательства провели огромную работу по переводу и изданию произведений афро-азиатских писателей, а также фольклора стран Азии и Африки.

Вторая конференция писателей стран Азии и Африки состоялась в Каире с 12 по 16 февраля 1962 года. Она прошла при большой активности делегатов и рассмотрела важные вопросы: о роли писателей в борьбе народов Азии и Африки против империализма, за национальную независимость и мир во всем мире, о роли литературного перевода, об укреплении культурных связей, о развитии национальных культур, о новом подходе к изучению истории афро-азиатских народов и пропаганде их культуры, об изыскании новых возможностей для публикации произведений афро-азиатских литераторов.

«Дух Ташкента» продолжал присутствовать и на этой конференции. Очень часто звучала мысль о том, что писатель не может стоять в стороне от борьбы за возрождение и развитие национальной литературы, что писатели должны сочетать политические задачи с творческой работой.

К сожалению, уже на Каирской конференции китайские представители использовали трибуну для грубых антисоветских измышлений и клеветы на социалистический мир.

Раскольнические действия китайских представителей, среди которых, за редким исключением, не было литераторов, вызвали протест многих афро-азиатских писателей, в результате чего был создан новый состав Постоянного бюро в Каире, который подготовил III конференцию писателей стран Азии и Африки в Бейруте.

25 марта 1967 года в столице Ливана Бейруте встретились известные писатели и поэты Советского Союза, Вьетнама, ОАР, Японии, Индии, Монголии, Сирии, Алжира и других стран. Конференция в Бейруте сыграла важную роль в консолидации сил прогрессивных писателей Азии и Африки.

Бейрутская конференция провела реорганизацию движения писателей, превратив его в ясную по своим уставным принципам Ассоциацию писателей стран Азии и Африки.

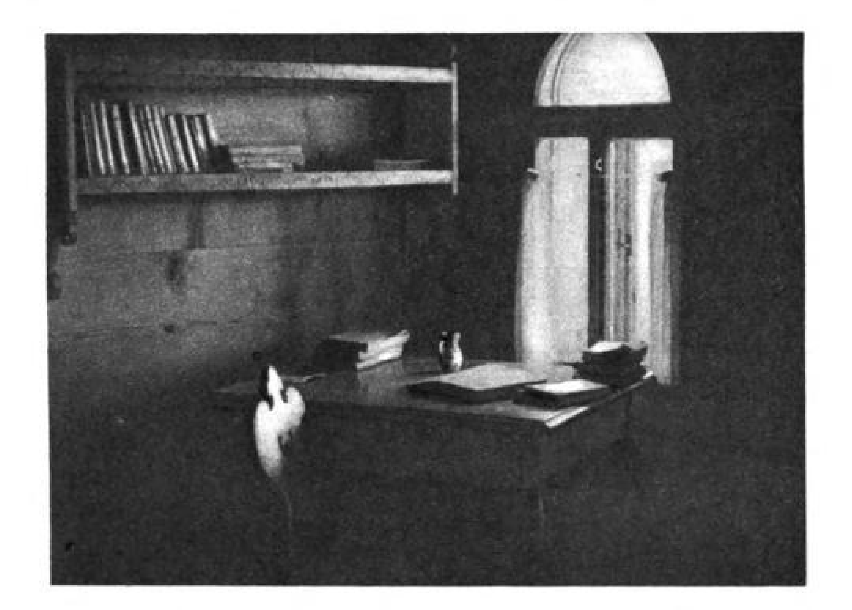
Пройдет немного времени, и в Ташкент съедутся писатели из многих стран Азии и Африки и гости из Европы и с американского континента. 20 сентября этого года в Ташкенте состоится литературный Симпозиум, который Советский комитет по связям приурочивает к 10-й годовщине первой конференции писателей стран Азии и Африки, проходившей в 1958 году в Ташкенте.

Великий общественный смысл видим мы, советские литераторы, в том, что в день открытия Симпозиума состоится торжественное собрание советской общественности с участием гостей из зарубежных стран, посвященное X годовщине Ташкентской конференции, заложившей основы делового сотрудничества писателей вчерашних колоний, конференции, породившей «дух Ташкента».

Участники Симпозиума, окруженные дружеским вниманием жителей столицы Узбекистана, своими глазами вновь увидят преображение старой Азии. Советская Азия будет глядеть на них молодыми, жизнерадостными глазами, полными братского сочувствия и гостеприимства. Столько нового, изумительного произошло в нашей стране за эти годы! Особенно нас радует, что СССР помогал и помогает народам избавиться от тяжелых последствий империалистического и колониального владычества. Эта помощь самая разносторонняя и бескорыстная. Считая литературу большой моральной силой, активно служащей прогрессу и справедливости, Союз писателей СССР много сделал в области перевода литератур Азии и Африки, широкой пропаганды их изданий. Сотни книг встретят гостей на книжной выставке, книг, представляющих главным образом литературы этих двух континентов. Книги будут говорить гостям о братском внимании советских людей к их литературам, о живом, пытливом отношении к их культуре.

Писательское движение двух могучих континентов десять лет укрепляло в своих участниках волю, энергию, чувство солидарности, пробуждало благородные стремления к борьбе за счастье народов Азии и Африки.

Мы верим, что новая встреча в Ташкенте откроет еще большие перспективы дальнейшего развития нашего движения.

Рабочий стол В. И. Ленина в Белом Дунайце.

ЛЕНИН. ПОЛЬША. 1912-1914

Это были годы, когда революционная волна в России вновь набирала мощную высоту. Ленский расстрел потряс рабочих: стачки, демонстрации, митинги прокатились по всей стране. Чтоб усилить партийное руководство этой борьбой, Владимир Ильич Ленин в июне 1912 года переезжает из Парижа в Краков.

«...ближе к Питеру, на 3-ий день имеем газеты оттуда,— писал В. И. Ленин А. М. Горькому,— писать в тамошние газеты стало куда легче, сотрудничество лучше налаживается».

Два с лишним года прожил Владимир Ильич в Польше, где он по-прежнему вел титаническую революционную работу. В Кракове концентрировалась вся деятельность заграничного бюро ЦК РСДРП.

Польский народ свято чтит память вождя и учителя трудящихся. В Кракове создан музей В. И. Ленина, где собраны документы, найденные в местных архивах уже после Великой Отечественной войны. В частности, налоговое свидетельство, определяющее размеры вносимой Лениным квартирной платы. Книга зубного врача: дата — 3 апреля 1914 года, в графе «очередь» чьей-то твердой рукой выведено «Ульянов». Записка Н. К. Крупской — как конспиративно через границу добраться до Кракова.

В Кракове поляки построили Новую Гуту — металлургический комбинат имени В. И. Ленина, предприятие, которое изменило патриархальную жизнь древнего города, утвердило Польшу как индустриальную европейскую державу.

Созданы музеи в Поронине, в Белом Дунайце, где В. И. Ленин со своей семьей жил летом 1913 и 1914 годов.

Машина, вырвавшись из каменных лабиринтов Кракова, мчится по извилистому шоссе Подгалья. Кругом холмы, расчерченные желтыми квадратами спеющей пшеницы. Кое-где хлеба уже сжаты и сложены в крестцы. Хуторки, небольшие уютные деревушки в зелени садов. Чем ближе к Поронину, тем выше холмы, на гребнях которых темнеют острые пики елей. Строже пейзаж. Чувствуется близость Татр. Это ощущение усиливает еще и громкий рокот Белого Дунайца, реки, вьющейся параллельно дороге.

Один поворот, другой — и перед глазами возникают островерхие деревянные дома, срубленные из бревен в полметра толщиной. Это Поронин. Сюда частенько ходил Ленин на почту за газетами и обширной корреспонденцией с родины. Вместительный дом гураля Гута Мостового. Когда-то в нем находился пансионат для туристов. Здесь осенью 1913 года состоялось второе совещание ЦК РСДРП с партийными работниками. Теперь — музей. Дом тщательно восстановлен. У подножия зеленого холма памятник В. И. Ленину. Нескончаем поток посетителей. Особенно он усилился сейчас, перед столетием со дня рождения великого Человека.

Скрипят деревянные половицы. Старики, юноши, девушки, пионеры с благоговением переходят от одного стенда к другим, рассказывающим о жизни и деятельности вождя народов, полных подвигов и революционной отваги.

От Поронина до Белого Дунайца — маленькой деревушки, где, собственно, и жил Владимир Ильич с семьей, как говорится, рукой подать. Дом — по фасаду десять окон. Он когда-то принадлежал Терезе Скупень. Терраса, холл и две комнаты внизу. Мебель деревянная, жесткая, ручной работы. В холле Владимир Ильич принимал друзей. Налево спальня. Две кровати, покрытые гуральскими кошмами. У окна стол с керосиновой лампой под белым абажуром. Шкаф и тумбочки. Так же скромно обставлена комната матери Н. К. Крупской, Елизаветы Васильевны.

На втором этаже, в мезонине, рабочая комната Ленина. В углу стол и стул. На стене полка с книгами: Чехов, Л. Толстой, Горький, Салтыков-Щедрин, «Ежегодник газеты «Речь», томик «Рабочий труд в Западной Европе». У противоположной стены кровать. Узкая дверь ведет на маленький балкончик.

Дом построен в 1901 году. В 1956 году его купило правительство Польской Народной Республики.

И здесь народ, народ...

Из Белого Дунайца экскурсанты обычно едут в Новый Тарг. Это маленький провинциальный городок, славящийся сейчас своими планеристами. В местной тюрьме по улице Казимежа Яна, в камере под номером пять, содержался двенадцать дней под строжайшей охраной В. И. Ленин. Теперь тюрьма перестроена, здесь Дом пионеров. Но камера восстановлена такой, какой она была в 1914 году.

Дом полон молодых голосов. Приехали школьники из Мронгова, что в Ольштинском воеводстве, познакомиться с ленинскими местами. Путь немалый. Но разве существуют расстояния для тех, кто хочет прикоснуться своей душой к тому источнику, который вдохновляет людей труда на подвиг во имя счастья и свободы!

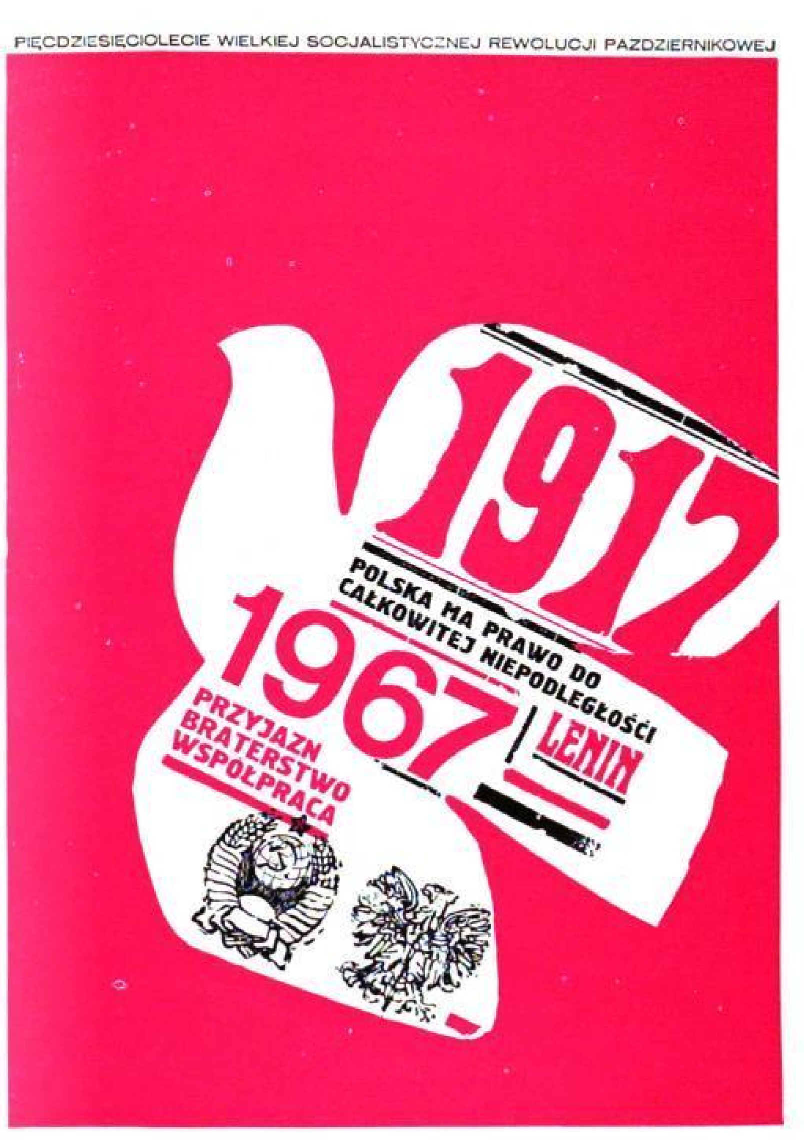
М. КОВАЛЕВСКИЙ

Дом в Белом Дунайце.

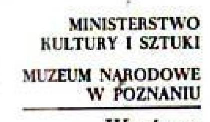

В Поронине.

М. Мосинский

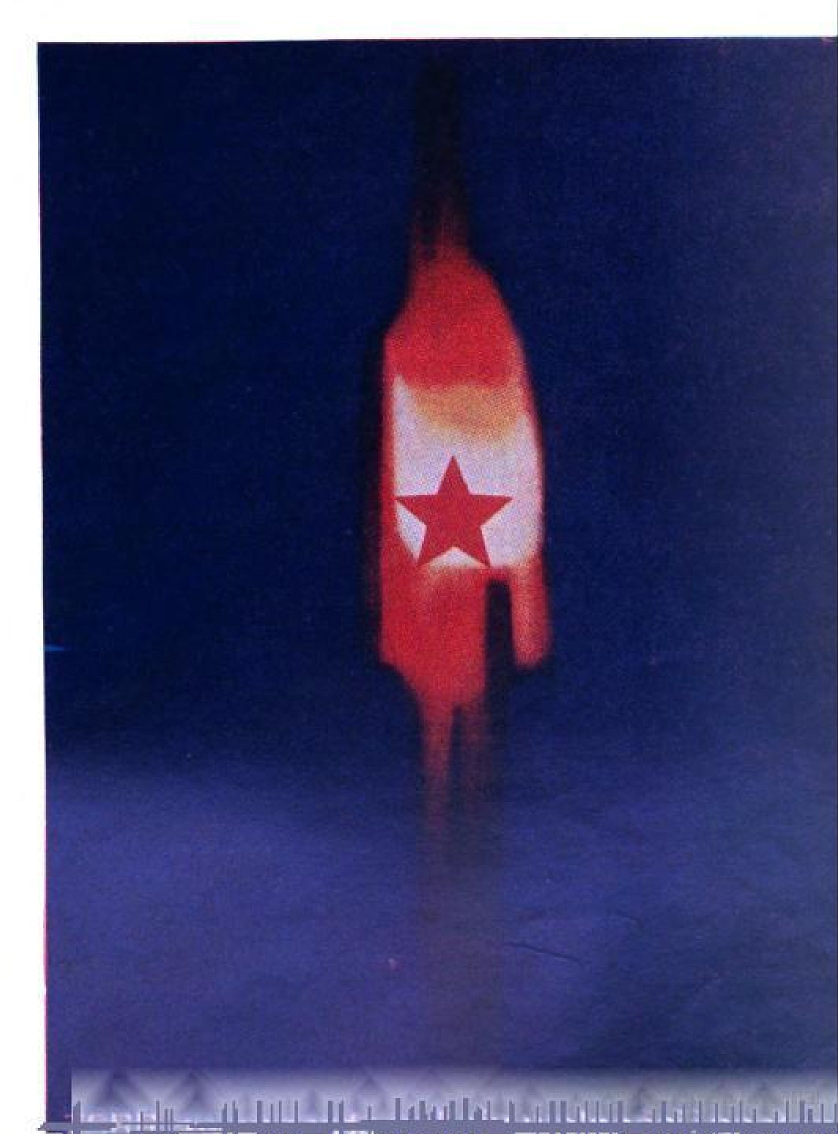

Я. Палка

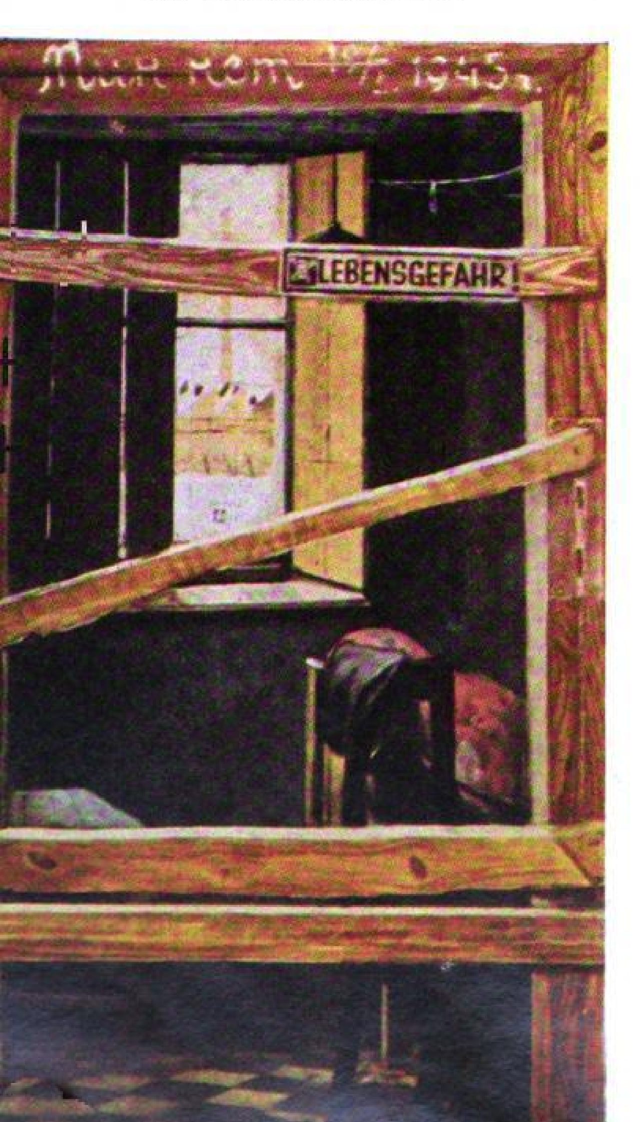
ПЛАКАТЫ ПОЛЬСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННО-ГРАФИЧЕСКОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Б. Зелек

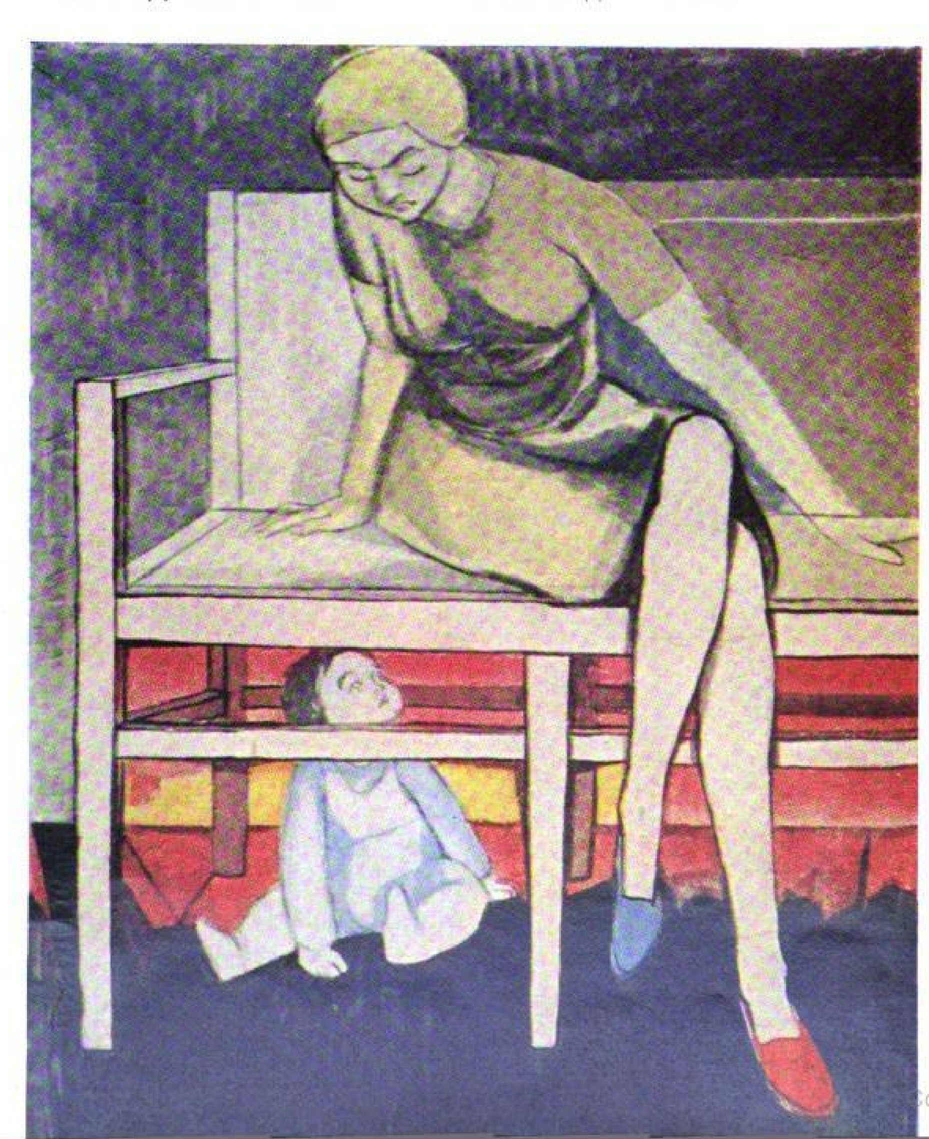
Ганна Рудска-Чибисова. ШКОЛЬНАЯ СПОРТПЛОЩАДКА. Варшава. Национальный музей

Ежи Кравчик. ЛОДЗЬ. 1945.

Варшава. Национальный музей.

Анджей Врублевский. 1927—1957. РЕБЕНОК ПОД КРЕСЛОМ.

Краков. Галерея польской современной живописи.

Пробужденное творчество

Чеслав ВИШНЕВСКИЙ,
вице-министр
культуры и искусства ПНР

С самого начала существования народной власти культурная политика ПНР последовательно стремится к осуществлению трех основных задач. Во-первых, обеспечить для всех трудящихся доступ к сокровищам мировой и национальной культуры. Во-вторых, формировать все более высокие культурные потребности и запросы трудящихся. В-третьих, сделать культуру народным достоянием, важным воспитательным фактором, совершенствующим человека, формирующим его активное отношение к работе и жизни в социалистическом обществе. Наша культурная политика поставлена на службу человеку и всему обществу. Она является важным фактором патриотического и интернационального воспитания.

В первую очередь нужно напомнить о том, что в нашей 32-миллионной стране издается свыше 1 400 названий газет и журналов общим тиражом более чем 26,5 миллиона экземпляров. Кроме того, в стране имеется шесть миллионов абонентов радио и три миллиона абонентов телевидения. Радио и телевидение охватывают своей сетью всю Польшу.

В 1919—1939 годах в Польше было издано 99 030 названий книг с общим тиражом 450 миллионов экземпляров. За период с 1944 по 1967 год появилось 145 841 название с общим тиражом 1 917 154 тысячи экземпляров, то есть разница более чем четырехкратная. В области художественной литературы и издания учебных пособий также произошел значительный рост. Необходимо добавить, что сегодня книга стала действительно доступна всем благодаря своей дешевизне и широкой сети магазинов и библиотек. Принципиально изменилось содержание и качество издательской деятельности. Достаточно вспомнить, что в Польше, управляемой помещиками и капиталистами, существенную часть тиража книг составляла сенсационно-бульварная «литература», в то время как произведения выдающихся писателей выпускались очень скромными тиражами.

В предвоенной Польше почти 20 процентов населения было неграмотно, а скромные библиотеки, насчитывавшие неполных два миллиона томов, не могли содействовать ликвидации неграмотности. Библиотеками в ту пору пользовалось всего три процента населения. Сегодня широкая сеть библиотек располагает более чем 180 миллионами томов, которыми пользуется почти каждый второй житель страны.

Новые перспективы открывает в этой области принятый недавно Сеймом закон о библиотеках и читальнях. Теперь любая книга, учебник или журнал могут быть получены в местной библиотеке. Наши библиотеки станут своеобразными университетами.

Распространением культуры занимается сейчас много учреждений и организаций. Все здесь перечислить невозможно. Поэтому я назову только некоторые. Большое значение, например, мы придаем кино. В предвоенной Польше функционировало 807 кинотеатров. После освобождения в 1945 году мы могли открыть только 400, остальные были уничтожены. Естественно, до 1939 года сельских кинотеатров практически не существовало. Сегодня у нас насчитывается более 3 800 кинотеатров, из которых почти половина — в деревне. Кроме того, крупные клубы и Дома культуры имеют собственные проекционные аппараты. Во всех кинотеатрах показывается ежегодно более полутора тысяч названий художественных кинофильмов.

В междувоенный период у нас было всего 175 музеев, но только 29 из них пользовались государственной помощью, остальные носили частный характер. Во время войны музеи разделили судьбу других учреждений культуры — подверглись полнейшему разграблению, а большинство их зданий было разрушено. Сейчас у нас насчитывается 275 крупных музеев, которые посещает ежегодно более 15 миллионов человек (это в два раза больше, чем в 1960 году).

Наибольшей популярностью в Польше пользуются театр и филармония. По сравнению с предвоенным периодом значительно увеличилось их количество (сейчас 132), изменились выполняемые ими общественные функции и условия деятельности. Теперь они дают ежегодно около 40 тысяч представлений и концертов более чем для 15 миллионов зрителей и слушателей (это в три раза больше, чем перед войной). Музыка и театральное искусство стали доступны самым широким массам трудящихся города и деревни.

А ведь воздействие этих культурных учреждений значительно умножается телевизионным театром (четыре представления в неделю) и радиотеатром (несколько постановок в день по трем программам).

На этой широкой базе, в обстановке глубокой заинтересованности государства делами культуры и искусства появляется много выдающихся произведений во всех областях художественного творчества.

Государственные премии этого года в области литературы выделяют круг писателей старшего и среднего поколений, творчество которых связано с наилучшими традициями польской художественной прозы и находит широкое признание читателей. Я имею в виду творчество лауреата этого года, известного прозаика Тадеуша Брезы, Вацлава Кубацкого, Евгения Паукшты, достижения поэта рабочей Лодзи Мариана Пехаля и многих других писателей, связавших свой труд с судьбами народа, отдающих свой талант на службу строительству социализма.

Рядом с произведениями писателей старшего поколения на литературном горизонте появляются новые, оригинальные произведения молодых, которые набирались жизненного опыта и мастерства уже в годы строительства социалистической Польши. Они надежда национальной художественной прозы, от них читатель ждет новых, достойных книг о рабочем классе, о сегодняшнем дне нашей страны.

Именно об этом рассказывают произведения таких писателей, как Юзеф Ленарт, Эрнест Брыль, Анджей Брыхт, Януш Красиньский, Станислав Гроховяк, и многих других.

В последние годы большой интерес нашей публики и заграничных меломанов вызывают достижения современной польской музыки — композиторов, инструментальных ансамблей и исполнителей-виртуозов. Кшыштоф Пендерецкий, самый выдающийся композитор нашей страны, был отмечен в этом году Государственной премией первой степени за композицию-ораторию, посвященную памяти замученных в Освенциме.

Выдающимися произведениями, получившими международное признание, являются новые работы композиторов старшего поколения — Казимежа Сероцкого, Болеслава Шабельского, Гражыны Бацевич, а также представителей младшего поколения — Тадеуша Баирда, Витольда Лютославского. И еще один молодой музыкант прославил Польшу — это Константин Кулька, замечательный продолжатель национальной школы виолончелистов.

Сейчас в стране работает десять оркестров филармонии, девять симфонических коллективов и три симфонических оркестра радио, которые дают ежегодно около трех с половиной тысяч концертов.

Большие достижения мы отмечаем также и в нашем изобразительном искусстве, особенно в области графики, плаката, который получил международное признание.

В широком и открытом обмене мнениями с людьми искусства перед V съездом Польской объединенной рабочей партии будут подвергнуты оценке и бескомпромиссной критике всякого рода ревизионистские тенденции, теории и концепции, пытающиеся поставить под сомнение право партии идейно вдохновлять творческую среду. Самым строгим экзаменатором произведений искусства является наше социалистическое общество, сознающий свою историческую роль рабочий класс.

Несколько замечаний о творческом пробуждении и активности нашего народа. В предвоенной Польше число любительских коллективов не превышало двух тысяч и притом уменьшалось из года в год. Сегодня около 400 тысяч человек участвуют почти в 25 тысячах различных самодеятельных коллективов, что доказывает исключительную творческую активность современного польского общества. Это движение формирует требовательного и просвещенного зрителя наших театров, концертных залов, кино, музеев и одновременно развивает способности и таланты.

Еще одной формой самодеятельности являются клубы и кружки друзей театра, музыки, живописи, кино и т. п. Пользуясь случаем, я с большим удовлетворением хочу отметить, что у нас имеют большой успех пьесы русских и советских авторов, а также советские фильмы. Каждый год мы организуем фестивали советских спектаклей и фильмов. Активную роль в организации встреч и дискуссий по репертуару фестивалей играют именно клубы любителей театра и кино.

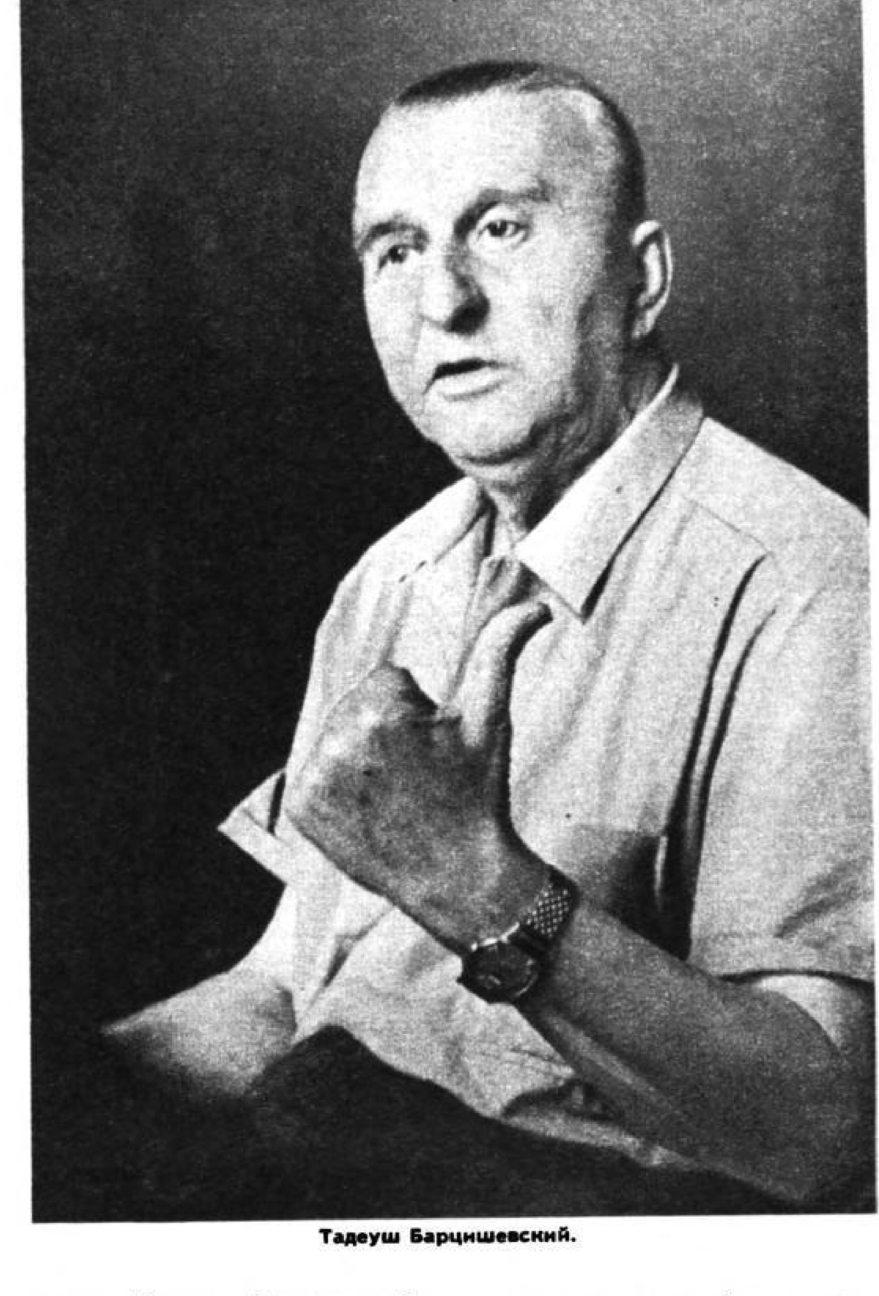
Любопытно и такое явление — музыкальные центры на общественных началах. Музыкальные школы для детей и взрослых рассчитаны на несколько лет. Они организуют публичные концерты, коллективные посещения концертов, лекции на музыкальные темы. Таких центров в Польше более тысячи, и сконцентрированы они в основном в деревнях и небольших поселках.

Как подтвердил прошлогодний общепольский смотр общественных музыкальных центров, организованный к 50-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, в стране высоко ценится и активно изучается музыка русских и советских композиторов. Каждый год в фестивале советской песни участвует несколько сот тысяч человек. Другое направление в самодеятельном искусстве, также очень популярное,— это художественное чтение. В общепольском конкурсе художественного слова в честь 50-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции участвовало свыше 150 тысяч чтецов.

Благодаря общественному перевороту, который произошел в нашей стране после второй мировой войны в результате победы над гитлеризмом и вступления Польши на путь строительства социализма, новым содержанием и значением наполнились традиционные культурные связи нашего народа и советских народов, связи, взаимопроникающие и творчески друг друга вдохновляющие.

Куда привела дорога из кафе „Под Ящурами"

Тадеуш Барцишевский.

Борис ИВАНОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Побродив целый день по Кракову, насладившись его средневековыми улочками, музеями, стрельчатыми соборами, потолкавшись на площади Старого рынка в ожидании, когда с вершины башни Мариацкого костела прозвучит на все четыре стороны света прерывистый тревожный сигнал трубача — мелодия «Хейнал»,— подаваемый каждый час, я решил передохнуть в кафе «Под Ящурами». Почему я выбрал именно это кафе? Ведь в Кракове их множество, от самых маленьких — на пять столиков, до больших, где дальний от тебя посетитель чуть виден в голубой табачной дымке.

Кафе «Под Ящурами» я выбрал потому, что в прошлый свой приезд в Краков много слышал о нем, а побывать там мне тогда не пришлось. Построили кафе студенты на общественных началах в старинном доме, хотя слово «старинный» в Кракове употреблять так же смешно, как, скажем, у нас в Братске слово «новый». Здесь что ни шаг, то средневековье. Кто построил «Под Ящурами», тот и стал его хозяином. На каждый день в кафе составляется программа. Студенты здесь устраивают художественные, фотографические выставки, показывают свою самодеятельность, демонстрируют любительские фильмы, завязывают диспуты на самые разнообразные темы — философские, политические, моральные, эстетические.

Вот я и решил совместить приятное с полезным. И чайку попить и посмотреть, как отдыхает, о чем спорит краковская молодежь, тем более это любопытно было сделать в год «неспокойного студенчества», коснувшегося весной и краковских учебных заведений. А в городе ни мало ни много двенадцать вузов.

Но пошел за одним, а унес другое. Это-то «другое» и послужило причиной того, что я взялся за перо.

Найти свободный столик оказалось задачей неразрешимой. Пришлось довольствоваться свободным местом в компании двух любезных и общительных молодых людей — Янека и Ежи, студентов Ягеллонского университета. В стенах этого шестисотлетнего университета, где учился Коперник и где до сих пор хранятся его астрономические инструменты, с помощью которых он «раскрутил Землю и остановил Солнце», фашисты нанесли первый удар по польской науке. В ноябре 1939 года доктор права Бруно Мюллер пригласил в «Коллегиум новум» 183 профессора на свою лекцию «Отношение третьего рейха и национал-социализма к науке». Как только ученые собрались в зале, вошли эсэсовцы и всех арестовали. Так фашисты продемонстрировали и цену своего «права» и степень своего «отношения».

Над столиками повисла колышущаяся ткань, сотканная из слов. Вплетались в нее и слова моих новых знакомых. Разговор шел вокруг какой-то Ханы, видимо, их однокурсницы. Экспансивный Янек решительно осуждал ее и требовал суровых мер. Уравновешенный Ежи склонен был не торопиться, подождать, присмотреться: наказать, мол, никогда не поздно. Вдруг тонкую ткань из слов прорвал дружный хор. Запели «Пусть всегда будет солнце».

— Отмечают приезд,— сказал Ежи.

— Кого? — вырвалось у меня.

— А разве вы не знаете? Тут и советские есть и болгары. Встречаются студенты трех городов — Львова, Кракова и Русе. Как ладно поют! У нас гостят и девушки из Воронежа. Сегодня они знакомились с одной из краковских достопримечательностей!

— Вавелем, конечно...

— И с Вавелем. Но эту достопримечательность зовут пан Сметана.

— Вы что же думаете, в нашем городе одни камни легендарны? — вмешался в разговор напористый Янек.— Под Краковом, например, живет Тадеуш Барцишевский, судьба которого тесно связана с историей вашей страны.

— Так есть! — опережая мое недоуменное «ну!», поддержал своего друга Ежи.— А что касается пана Сметаны, так он тридцать шесть лет подымался на башню Мариацкого костела, чтобы сыграть на трубе мелодию «Хейнал». Около двухсот тысяч восхождений сделал. Вот как!

— В общем, для книги по занимательной арифметике,— добавил Янек.

— Интересно... А как бы мне все-таки повидать Тадеуша Барцишевского?

— Это можно,— сказал Янек,— я его давно знаю. Пишите адрес.

Еще долго пели студенты трех стран. Звучали польские, болгарские, русские и украинские песни. Ежи и Янек за это время пришли к компромиссному решению: ограничиться с Ханой строгим разговором. Она, оказывается, долгое время манкировала занятиями, ссылаясь на нездоровье, тогда как на самом деле ее интересы были далеко за пределами университета и в кругу недругов народной Польши. Я же уносил с собой адрес поляка, жизнь которого стала русской легендой.

* * *

Мой собеседник был в том возрасте, когда трудно определить по виду, сколько ему лет. То ли он старый, то ли пожилой, со следами нелегко прожитой жизни. Во всяком случае, передо мной сидел подтянутый, плотный мужчина, с ясными голубыми глазами и глубокими морщинами по уголкам полных губ. Если бы я не знал начала его пути по нашей трудной земле, о чем мне коротко поведали ребята в кафе «Под Ящурами», то дал бы ему не более шестидесяти.

Мы сидели втроем в просторной комнате за квадратным столом. Все было тщательно прибрано. Чувствовалось, что здесь любят порядок и каждая вещь как бы приросла к своему, когда-то давно определенному ей месту. А хозяин все извинялся.

— Завтра утром переезжаем в Новую Гуту,— говорил он,— на новую квартиру. Сидим на чемоданах.

Где они были, эти чемоданы, сказать трудно. Возможно, в соседней комнате.

— По рюмочке не хотите? — спросил он.

— О-о, нет! Вначале дело.

— Я такой же. Как у вас говорят: «Сделал дело—гуляй смело».

Третьим был переводчик. Но за долгие часы нашей беседы ему так и не пришлось применить свои знания. Разговор с Тадеушем Барцишевским, как уже догадался читатель, шел на чистейшем русском языке.

— В Познани не бывали? Мой родной город. Но покинул я его давно. В пятом году отец перевез всю семью в Люблин. Трудно было безработному содержать семью в восемь человек. Правда, в Люблине повезло. Устроился отец котельщиком. Жизнь вроде стала налаживаться, во всяком случае, не голодали, как грянула первая мировая. На другой день

войны приходят домой царские жандармы и нас троих — отца, меня и брата — арестовывают. Мы же были немецкими подданными. Родились-то в Познани, а эта часть Польши была под Германией. Люблин входил в Российскую империю. Сто тридцать лет ходила Польша под тремя паспортами. Представляете, сердце, разрубленное на три части! Только большевики соединили его. С этого каждый урок в школе начинать надо, правда.

— Знаем об этом, знаем,— вступил в разговор переводчик.

— Может, и знаем, да забываем. Есть у нас молодые задиры, которым на все наплевать...

Тут я невольно вспомнил вчерашний разговор Ежи с Янеком об их однокурснице Хане.

— Они просто тень старых стервятников,— сказал переводчик.

— А что делают в таком случае? Убирают источник тени...

— Согласен.

— Но я, кажется, отвлекся. Сейчас, знаете, такое время, когда надо почаще обращаться к истории. Крепче будет настоящее, правда... Вернемся, как говорится, к слонам. Отправили нас, рабов божьих, эшелоном аж до самого Нижнего. Отсюда пешим ходом в Ветлугу. В тюрьму не посадили, а заставили работать: бондарничали, строили, косили. В шестнадцатом вышел указ: все гражданские пленные могут ехать куда захотят, кроме прифронтовых полос. Я почему-то выбрал Царицын. Здесь моя жизнь завертелась волчком...

В передней раздался звонок.

— Извините, пожалуйста. Пойду открою.

Щелкнул замок, хлопнула дверь.

— Жена с работы,— сказал, возвращаясь, Тадеуш.— Это хорошо, ко времени... Устроился, правда, вначале грузчиком на пристани. Вечерами ходил в кафе «Чашка чаю». Мы, поляки, любим компанию. Там познакомился с земляком, беженцем из Белой Подляски. Он работал в фотографии Федора Лапшина. Был, по сути дела, там за хозяина. Лапшина забрали в армию. Как-то земляк мне говорит: «Принимай, Тадеуш, фотографию. Домой хочу. Время смутное... Может, доберусь как-нибудь до Польши». Шел восемнадцатый... «Не могу,— отвечаю.— Не смыслю в этом деле...» «Э-э, пан, не боги горшки обжигают. Научу». Согласился. А через полгода сам стал за хозяина.

В комнату вошла стройная черноволосая женщина с подносом в руках, на котором ароматно дымились чашечки с кофе.

— Пани Мария,— представил ее Тадеуш.— Моя жена. Кофе, надеюсь, не помешает?

Тадеуш заговорщически подмигнул своим голубым глазом, встал, подошел к серванту, звякнул чем-то стеклянным и поставил на стол коньяк.

— А вот это помешает...

— Без кофе — да,— парировал Тадеуш,— а вместе — все равно что икра с маслом... Так вот снимал, проявлял, печатал и галантно вручал свою работу местным обывателям. Время, правда, было тревожное — гражданская война. В конце июля пронесся слух: белые рядом, красные отступают. По городу зацокали конники, загромыхали пушки. Потом появились броневики. Один остановился. Народ его окружил плотным кольцом. Был в толпе и я. Как сейчас помню, открывается люк, вылезает из него военный в длинной шинели и при густых усах.

«Кто это?» — спрашиваю соседа. «Не знаю; говорят, ихний красный начальник». Посмотрел на всех военный очень внимательно и сказал... Точно слова уже забыл, правда. Но сказал он примерно так: город в опасности, мы должны остановить врага. Все за оружие, на оборону!

Только позднее я узнал, что «красным начальником» был Сталин. Но слова его заставили задуматься: куда податься? Всю ночь не спал. Я поляк. По пути ли мне с русскими? В доме, где я квартировал, жил токарь Евгений Рыбак. Посоветовался с ним. Да и не один раз. А он твердил одно: революция — дело общее, раз сам ты рабочий. Ведь студия-то не твоя. Бросай все — и в Красную Армию.

В городе, на Княгининской улице, стоял первый царицынский эскадрон. Обратился к командиру. Он без проволочек записал меня бойцом, правда. Получил оружие, лошадь. Неделя учебы: стрельба, рубка. А потом бои, Бекетовка, Дубовка. Дни летели, как наш эскадрон... Вам нет надобности в подробности все слушать...

— Нет, почему же!

— Расскажу, что особенно застряло в памяти. В октябре я заболел. В госпитале прослышал, что рядом формируется Первый красногвардейский крымский революционный полк. Не долечившись, я туда. И прямо к комполка. Опыт уже был. Встретил меня подтянутый, такой, знаете ли, стройный красный командир. Доложился. «Поляк, значит,— говорит комполка.— Это не помеха. У нас и немцы есть и сербы — целый интернационал. Важно, что воевать умеешь и злость на беляков держишь. Становись в строй...» С этой частью судьба меня связала крепко. Вплоть до Камышина, где меня ранило в грудь навылет. Кофе стынет, друзья!

— Спасибо!

Тадеуш Барцишевский покопался в стопке бумаг и, вынув из нее листок, похожий на открытку, отложил его в сторону.

— Снова госпиталь. А в те годы в госпиталях было похлестче, чем на фронте, правда. Из Камышина по воде доставили меня в Рязань. Погрузили в телегу и повезли. Жара, трясет. Того гляди, душа вылетит. Дотащились до какого-то лесочка. Белый двухэтажный дом. Выходит сестра. «У тебя тиф или холера, голубчик?» — спрашивает. Я даже сразу не сообразил, что она сказала. Сестра повторила свой вопрос и... до меня дошло. «Какой черт тиф, я весь в крови!» «А какой черт тебя сюда направил? Здесь холерный лазарет». В общем, сменили подо мной солому на телеге и отправили обратно в Рязань. Очнулся в какомто вонючем длинном цеху. Все лежали вповалку. А воняла, как я узнал на другой день, уже тронутая рыба, которая хранилась в подвале.

Из лазарета, чуть стали держать ноги, отправился разыскивать свою часть. Уж очень она дорога мне была. Не то что привык — люди привязали к себе, правда. Сколько уж лет прошло, скоро полсотни будет, а живые однополчане не забывают друг друга. И комполка пишет. Вот прочитайте.

Тадеуш Барцишевский подал отложенный в сторону листок, напоминавший открытку.

— Пригодилась старая специальность. Это фотокопия. Сам делал.

На листке из блокнота я прочитал:

«Уважаемый товарищ Барцишевский! Сердечно благодарю Вас за теплые поздравления, а также за то, что Вы не забываете своих боевых товарищей по гражданской войне.

Со времени нашей совместной службы прошло около четырех десятков лет. Но каким бы продолжительным ни было время, в нашей памяти никогда не изгладятся тяжелые годы борьбы за власть Советов.

Я хорошо помню Вас как бесстрашного командира эскадрона, помню наши боевые походы и многих славных однополчан-конногвардейцев...

Спасибо Вам за хорошее письмо. Желаю доброго здоровья и успехов в труде.

Крепко жму руку.

С. Тимошенко».

— Заметили, в письме упомянут эскадрон. Им я стал командовать, когда нашел свою часть под Воронежем. Беляки тогда откатывались на юг. Да...

Рассказ прервался. Тадеуш Барцишевский встал и прошелся легкой походкой по комнате, то ли отдыхая, то ли воскрешая в памяти подробности своего трудного и долгого пути.

— У меня как и у всех стариков: чем дальше отходят годы молодости, тем ярче становятся воспоминания о них. Или это чувство близкого конца с особой силой освещает неповторимую пору отваги и силы, милостиво позволяя тебе хоть на час, на миг снова обрести иллюзорную молодость. Или, наоборот, ясность мысли, когда обращаешься к прошлому, как бы подтверждает твою бодрость, дав понять, что еще ничего не определено впереди... Не знаю, не знаю! Вот и сейчас будто кто-то стоит возле моего уха и диктует страничку за страничкой... Послушайте!

Тадеуш даже щелкнул пальцами от удовольствия. Так хорошо все помнится.

— Было это в Донбассе, на пути к Ростову. Да, Касторную мы уже взяли. Мои молодцы на подъеме. Кони сыты. Идем весело. Осень стояла теплая, сухая, правда, аромат степной дурманящий. Вечерело. От цикад звон в ушах. И вдруг пулеметная дробь, фонтанчики пыли на дороге. Эскадрон мигом развернулся и в атаку. Не выдержали нашего сабельного вихря беляки, потикали. А один капитан с поднятыми руками ко мне, правда, подбежал, обхватил стремя, целует сапог, просит: «Даруй жизнь, у меня дети». «Бросай оружие, марш в тыл!» — приказал я и вперед, своих догонять. Не успел повернуться, как слышу, пули вокруг меня засвистели. «Вот гад!» — думаю и назад за офицериком. Смотрю, лежит, притворился мертвым. Ткнул ему шашкой в щеку, вздрогнул. «Вставай, сукин сын!» Поднялся он и за пистолет. Но шашка моя опередила его выстрел.

Скажете, жестоко. Так ли? Под Батайском место открытое, топкое. Наша атака захлебнулась. Конь подо мной был убит. Падая, он придавил мне ногу. Неприятельская конница с гиком выскочила с правого фланга. Уже слышу храп лошадей, а ногу вытащить никак не могу. Все, думаю, здесь точка. Мимо дружок скачет. Я褐 словчился, схватил его лошадь за хвост и таким образом

Пейзаж и жанр

вырвался из капкана. И не только вырвался, а еще умудрился вскочить на коня. Так мы вдвоем и ушли от преследования. Но две раны я все же получил. Опять госпиталь, уже в Нахичевани. Вскоре в Ростов ворвались деникинцы. В нашем госпитале они расстреляли сорок пять красноармейцев, на койках, в упор. Вот вам и «жестоко»!

Меня тогда спасла медсестра, немка Анна Буслей, правда, она одела меня в форму австрийского солдата и отвезла в маленький домик на окраину города. Помню раннее утро. В комнату входит женщина и спрашивает: «Как здоровье?» По-немецки говорю: «Я австрийский пленный, хочу домой». Она мне: «Ваши идут». Я свое: «Австрийский пленный, хочу домой». В общем, делаю вид, что по-русски ни бельмеса не понимаю. «Да вы не бойтесь. Я повариха. И видела, как ваш эскадрон брал Нахичевань. Вот мужа моего остерегайтесь». А он тут как тут. И прямо с порога кричит: «Что это за мразь ты пригрела?» «Раненый австрийский пленный»,— отвечает жена. «То-то. Если бы красный, на месте убил бы... С ними покончено, слышишь! Иду пить за Деникина». Ушел. А я поверил, что хозяйка действительно честный человек. «Мой муж — дезертир, пьяница и ваш лютый враг»,— сказала она, поморщившись то ли от слез, то ли от горького одиночества.

Великие революции,— продолжал после минутной паузы Тадеуш Барцишевский,— делят не только народ, но даже и семьи, правда. Отрыжки этого процесса мы можем еще наблюдать кое-где и ныне. Правда, это уже не полки и не армии, а маленькие контрреволюционные группки. Но они есть, на это нельзя закрывать глаза. И будут еще жить, пока существует у них солидная база вон там.— Тадеуш Барцишевский показал рукой на запад.— И вести с ними борьбу надо открыто, по-революционному.

Эти слова были сказаны медленно, с нажимом, в сопровождении ударов кулака о стол.

Удивительная революционная биография Тадеуша Барцишевского не оборвалась в Ростове-на-Дону. Марш по Украине с задачей уничтожить банды Махно и Тютюнника. Борьба с Врангелем. Освобождение Крыма под руководством Михаила Фрунзе. И, наконец, Пилсудский.

— Я пришел с буденновской конницей по сути дела туда, откуда шесть лет назад меня увезли,— в родную Польшу. Но какие это были шесть лет!

После гражданской войны Тадеуш Барцишевский был назначен начальником штаба 20-го Сальского полка 4-й Кавдивизии, дислоцировавшейся в Петергофе. Там он служил до 1924 года.

— Потянуло домой, правда. Да так сильно, что подал рапорт о демобилизации. «Я все сделал, что мог, и для России и для Польши,— рассуждал я,— совесть моя чиста. Была не была, махну в Люблин. Там отец, мать, братья, сестры — в общем, вся семья». Из армии отпустили. Но предложили поработать. Страна подымалась из руин гражданской войны, перестраивалась на новый лад. Верные люди нужны и теперь. «Что ж, начатое надо довести до конца»,— решил я. И остался. Из Ленинграда поехал на Людиновский машиностроительный завод. Заведовал отделом кадров, был начальником общей канцелярии...

Начались годы индустриализации. Тадеуш Барцишевский — на строительстве тяжелой промышленности, которая позднее сыграла немалую роль в победе над фашизмом, в возрождении народной Польши. На Людиновском, как и в коннице Буденного, он не прятался по тылам, «проявил себя в высшей степени работоспособным работником,— писало о нем руководство завода,— добросовестно относящимся к возложенным на него обязанностям».

— Как же я был наивен, предполагая, что родина хоть и не с цветами, но хотя бы с тихой благодарностью встретит меня! Ведь, борясь с царизмом, я боролся и за ее свободу. Польша получила независимость именно из рук Советов. Но судьба ее сложилась совсем иначе. Как говорят у русских, век живи, век учись. Встретила меня Польша в тридцатом году четырехлетней безработицей. Работа была, правда, но хозяева не хотели мне ее дать. Однажды я приехал в Катовицы, на металлургический завод, и по протекции брата меня очень любезно принял директор.

«Господин Барцишевский?» — спросил он, подавая мягкую руку.

«Да!»

«Где работали раньше?»

«На Людиновском заводе».

«Это в каком воеводстве?»

«Под Брянском, в Советском Союзе».

«Что?!!»

Никогда не забуду этих глаз. Они стали белыми и круглыми. «Там ГПУ. Всем стреляют в затылок. Расскажите поподробнее, как вы оттуда вырвались».— Директор плотнее закрыл дверь.

«Зачем терять драгоценное для вас время? Мне нужна работа».

«Ни в коем случае! Никогда!»

Директор распахнул дверь и не подал мне руки... Э-э, хватит прошлого! Давайте по чашечке кофе... За будущее.

— С удовольствием!

— И за однополчан-единомышленников, старых и молодых. Берегите настоящее, как мы бережем прошлое. Кстати, вот еще одно письмо от моего комполка, недавнее:

«Дорогой товарищ Барцишевский!

Сердечно благодарю Вас за Ваши добрые пожелания.

Примите также мои поздравления в связи с награждением Вас высокой советской правительственной наградой — орденом Ленина.

Желаю Вам, дорогой товарищ, хорошего здоровья, счастья и успехов в жизни.

Шлю Вам свои самые наилучшие новогодние пожелания.

С. Тимошенко,
Маршал Советского Союза,
дважды Герой Советского Союза».

— Эту награду я получил к пятидесятилетию Октября. Советская власть не забывает добрые дела людей.

* * *

Краков был залит огнями. На скамеечках под кронами вековых лип и кленов Плантов[1] сидели парочки, лица которых от падающего через густую листву электрического света были окрашены в нежно-лазурный цвет. С вершины башни Мариацкого костела прозвучал «Хейнал» — первый сигнал новых суток.

[1] Планты — центральный бульвар Кракова.

В ГОСТЯХ У «ОГОНЬКА»

ЖУРНАЛ **Przyjaźń**

ПОЛЬСКИЕ ЖУРНАЛИСТЫ РАССКАЗЫВАЮТ О НЕКОТОРЫХ СОБЫТИЯХ, ПРОИСШЕДШИХ ЭТИМ ЛЕТОМ В РАЗНЫХ УГОЛКАХ СТРАНЫ.

Польское лето. Тысячи людей в отпуске — на Балтике, в Татрах и Судетах, на Мазурских озерах. Забиты вокзалы, переполнены поезда и автобусы. Звенят веселыми песнями молодежные лагеря. Города пустеют. Солнце не шутит, а особенно в этом году.

Жизнь, однако, идет своим чередом, не принимая во внимание высоту подъема ртутного столбика. Вся страна в одном напряженном ритме работы. Коллективы промышленных предприятий выполняют свои производственные обязательства, принятые в честь V съезда Польской объединенной рабочей партии, который состоится в ноябре этого года.

Итак, лето 1968 года в Польше...

●

Торжественно и интересно проходил в этом году традиционный праздник «Дни моря». Хозяином нынешних празднеств был польский портовый город Щецин. Ворота порта были широко открыты для гостей. Множество экскурсий со всех концов страны приехало сюда. Много болельщиков собралось на ежегодные соревнования операторов портового оборудования. Состязания захватывающие — тут нужна ловкость и точность в маневрировании и управлении сложными погрузочными устройствами и механизмами.

На Гданьском побережье торжественно закончился праздник «Дней моря» и «Дней Гданьска». После недельного «владения» древним Гданьском бог моря Нептун снова передал власть в руки президиума городского народного совета Гданьска. Нептун наградил медалями самых заслуженных деятелей культуры города Гданьска. Вручены были также значки «Заслуженный» города Гданьска.

●

Лето — это еще и вступительные экзамены в высшие учебные заведения. Первый раз за всю историю польского высшего образования экзамены прошли во всех воеводских городах, в каждом из них теперь существуют высшие учебные заведения. «Белое пятно» на академической карте последним ликвидировал Кошалин, где открылась высшая инженерная школа. На 38 тысяч мест претендовало 87 тысяч абитуриентов. Экзамены проводились в 53 высших учебных заведениях. Была отмечена лучшая подготовка молодежи по сравнению с предыдущими годами.

Письменный экзамен у студентов первого курса в Варшаве.

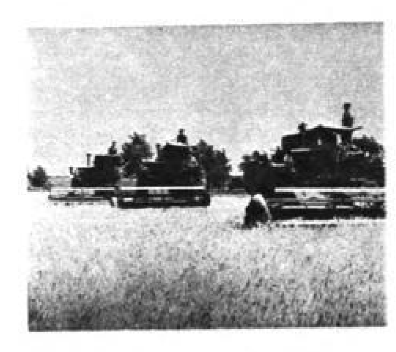

Третий генератор гидроэлектростанции в Солине на реке Сан.

Экономический комитет Совета Министров ПНР принял постановление по генеральному проекту третьего этапа строительства металлургического комбината имени В. И. Ленина в Новой Гуте. Этот металлургический комбинат будет самым большим в Польше. Предусматривается также строительство сооружений, гарантирующих охрану вод и воздуха от загрязнения.

Пульт управления прокатным станом на металлургическом комбинате имени В. И. Ленина.

Уборка ячменя комбайнами на полях кооператива «Старый Явор» в Нижнем Шленске.

В первых числах июля сошел с конвейера двухтысячный польский «Фиат», изготавливаемый по итальянской лицензии заводом легковых автомобилей в Варшаве. В этом году из стен завода выйдет 7 тысяч автомобилей. В создании этой машины принимают участие 150 промышленных предприятий страны. Продолжаются также работы по обеспечению хорошего и быстрого эксплуатационно-технического обслуживания «Фиатов». Специальные права на их обслуживание имеют уже 15 станций.

К коллекции самых разнообразных конкурсов и фестивалей песни присоединился в этом году Второй фестиваль армейской песни, который состоялся в городе Колобжеге, расположенном на берегу Балтийского моря. На торжественном концерте выступили солисты Бронислава Барановска и Станислав Ляхович, которые вместе с кошалинским оркестром исполнили патриотические песни — рыцарские, повстанческие, армейские и партизанские. С программой старопольских солдатских песен выступили объединенные хоры шахты «Вуек» из Катовиц, кооператива транспортников из Кракова и профсоюза железнодорожников из Розвадова. Вторая часть концерта была посвящена современным солдатским песням. Всего в 14 концертах выступило около тысячи человек.

На снимке: женский вокальный ансамбль «Настолятки» из Щецина, получивший вторую премию на фестивале армейской песни в Колобжеге.

Вошло в решающую стадию строительство водного каскада на Висле около Влоцлавка. В этом году будет сдан в эксплуатацию первый турбоагрегат, а к концу 1969 года начнут действовать уже шесть агрегатов. В сентябре русло Вислы будет перекрыто, после чего начнется сооружение основной земляной плотины. На ее строительстве используется много советской техники — самосвалы, самоходные скреперы, мощные краны. Строительство плотины и электростанции во Влоцлавке — первый этап использования в промышленных целях крупнейшей польской реки Вислы.

На снимке: на строительстве плотины на Висле около Влоцлавка.

В июле была открыта авиационная линия Варшава — Киев. Эту трассу обслуживают советские самолеты «Аэрофлота» и польской авиалинии «Лёт». Между нашими странами суще-

ствует непосредственная ежедневная авиасвязь Варшава — Москва. На этой трассе самолеты «Аэрофлота» и «Лёта» совершают рейсы два раза в день. А в мае этого года появилась еще одна авиалиния — Варшава — Ленинград с посадкой в Вильнюсе.

В пограничном городе над Ниссой, Згожельце, 6 июля, в 18-ю годовщину подписания исторического договора об установлении существующей границы по Одре и Ниссе между Польской Народной Республикой и Германской Демократической Республикой, состоялся большой митинг дружбы жителей земли Згожелецкой с участием многих делегаций из соседнего немецкого города Герлиц. В прекрасном амфитеатре над Ниссой собралось несколько тысяч человек. Среди них были и рабочие из Турошова — самой крупной стройки польской энергетики, проводимой при братской и дружеской помощи ГДР.

Двухмесячные волчата, которых поймали в лесничестве Стшалово в районе Миколаен.

В знаменитом замке Кшёнж, около Валбжыха, был найден лабиринт подземных пещер и переходов, тянущийся в скалах на многие километры. Как стало известно, подземелья, построенные в 1942—1944 годах, должны были стать второй после Кентшына военной штаб-квартирой вождей гитлеровского рейха. Подземелья строили под надзором эсэсовцев заключенные. Около 5 тысяч заключенных погибли от голода и непосильного труда. Многих после окончания строительства гитлеровцы убили, чтобы сохранить тайну. Подземелья замка Кшёнж сейчас открыты для туристов. В одном из крупных подземных залов установлена мемориальная доска в память замученных заключенных.

Меднорудный бассейн в Нижнем Шленске. Горняки в забое шахты Польковице.

Фрагмент экспозиции Международной выставки грунтовых роз, проходившей в парке культуры и отдыха в Хожове, около Катовиц.

Две молодые пары, артисты цирка-варьете «Ас», приехавшего на гастроли в Гданьск, направляются в бюро записи актов гражданского состояния, чтобы зарегистрировать свой брак.

Улица нового Любина — города шахтеров медного бассейна.

Олег КУПРИН,
специальный корреспондент «Огонька»

Пейзаж и жанр

О том, как бывают обманчивы первые впечатления

Вот и приехал в Польшу. Сошел с поезда, отправился в гостиницу. Я впервые видел Варшаву, и этого первого взгляда, первого часа вполне хватило для того, чтобы убедиться, что город этот уникален, что я не видел пока нигде ничего похожего.

Вокруг о чем-то спорили незнакомые люди на незнакомом языке. И все не так, как дома, непривычно.

Такое сложилось первое впечатление. Потом я отметил, что лифтер в нашей гостинице чем-то здорово похож на одного моего московского знакомого. Женщина-администратор, вручившая ключ от номера, напомнила парикмахершу, которая приводила в порядок мои вихры перед этой командировкой. Подобные открытия я делал во время всего путешествия по Польше. Слесаря с Гданьской судоверфи Стефана Пауля мне хотелось спросить: не родственник ли он одному крупному партийному работнику в Литве?

Вроцлав. Весьма колоритный город на западе страны. Поехал на завод «Дольмель». Название прельстило — непонятное. А главный инженер Казимеж Радван возьми да так прямо и скажи:

— Мы наш завод называем польской «Электросилой», а имя он носит Феликса Дзержинского. С ленинградцами мы дружим, они нам помогли и помогают. Успехи? Конечно, есть! К пятидесятилетию Великой Октябрьской революции турбогенератор сделали в двести тысяч киловатт.

Когда мы вошли в первый же цех завода «Дольмель», мне и впрямь показалось, что попал на «Электросилу». Впрочем, в этом нет ничего сверхъестественного: заводы одного профиля, в какой бы стране они ни находились, должны быть похожи друг на друга. Но Казимеж Радван говорил о ленинградском Смирнове, как об Ольшевском из своего конструкторского бюро. А Юзеф Ольшевский час спустя долго рассказывал, как о нынешнем своем соседе по квартире, о Нечипоренко, с которым он учился в Киевском политехническом институте и жил в одном общежитии.

Такое сотрудничество, личные симпатии, родство интересов и убеждений, общность дел и творческих поисков... Мы это называем твердым и ясным словом — единство. Можно иметь абсолютно точные границы между государствами, но если государства — друзья, то некоторые границы стираются. Например, человеческие.

А как же характер? Не могут же быть абсолютно похожими люди разных стран? Об этом поговорим в конце.

О маленьких людях, создающих гиганты, и о самой главной фамилии на земле

Мы шли по Гданьской верфи мимо исполинских корпусов кораблей. Переводчик рассказывал об этом крупнейшем предприятии, о том, как Польша всего за два десятилетия выдвинулась в число крупнейших судостроительных держав.

Верфь жила в грохоте перфораторов, в салюте искр электросварки. И дышала, и гудела, и скрежетала. Верфь делала свое громадное дело.

— Ковальский! — послышался голос сзади.

Высокий, широкоплечий парень в измызганной робе, в желтой каске полез по трапу на борт строящейся плавбазы. Вероятно, это и был Ковальский. Он поднимался все выше и выше, прошел по палубе и начал карабкаться по лестнице на корабельную надстройку. С каждой минутой он становился меньше и меньше. И когда забрался на самый верх, показался совсем крошечным. Там его ждали еще два таких же маленьких человечка, они долго стояли и обсуждали какие-то свои дела, связанные, очевидно, с рождением этого гиганта — плавбазы.

А мне нужен был Стефан Пауль. Утром я его не застал в цехе: он ушел в поликлинику. Как потом выяснилось, Пауль был абсолютно здоров. Просто всех рабочих верфи время от времени вызывают медики — рентген и все прочее, называемое профилактическим осмотром.

По верфи я бродил часа два, и, когда снова заглянул в цех сборки двигателей, Пауль уже работал. Шел демонтаж громадной машины, которая еще вчера испытывалась на стенде, а через неделю или месяц оживит еще один корабль.

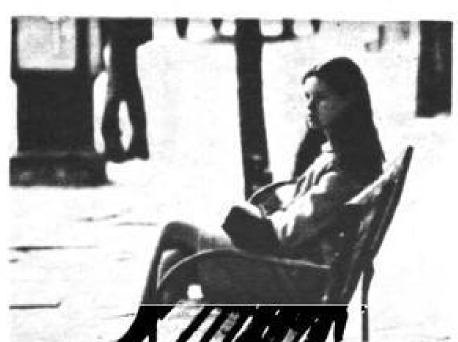
Стефан Пауль заговорил по-русски, объяснил:

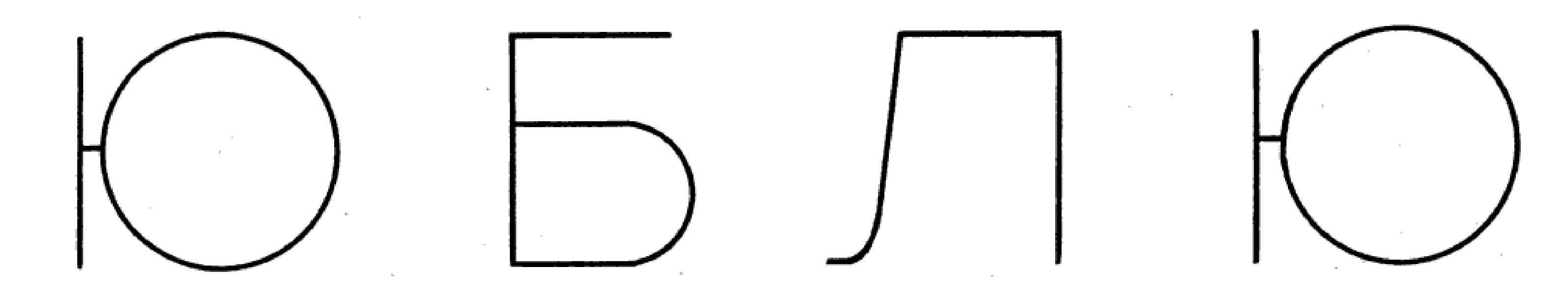
— Я ведь был гражданином СССР.

В буржуазной Польше еще мальчишкой он стал подпольщиком. Лихой парень, крупнейший специалист в распространении листовок. Затем — пропагандист, уважаемый и популярный. Львовские рабочие хорошо знали его, а ищейки буржуазного правительства с ног сбились — несколько лет уходил Стефан от них. Арестовали его в 1933 году.

Что случилось потом? То же, что со многими поляками, хотевшими видеть свою страну такой, какая соответствовала их мировоззрению, их пролетарскому идеалу. Была тюрьма. И не одна тюрьма. Двери последней захлопнулись за ним в Ковеле. А открыли их в 1939 году люди в зеленых гимнастерках, со звездочками на пилотках — Красная Армия.

Стал Стефан Пауль гражданином Советского Союза. Работал в том же Львове. Шофером определился на стройку электростанции. Кирпич возил, железки разные на своем грузовике-полутор-

ке. А партийная работа, как и прежде,— пропагандист.

В сорок первом на фронт на той же самой полуторке уехал. Воевал, как и подобает честному солдату. Грузы возил теперь другие — мины, снаряды. Под Киевом в окружение угодил. Может, и проскочил бы, да одного солдатика увидел, у дороги тот лежал. Молоденький, славный паренек. Какая-то очень русская фамилия — то ли Иванов, то ли Петров. Забыл сейчас. В машину его усадил и медленно, чтобы раненому не так больно было, назад в Киев повез. Устроил у кого-то из местных. А обратно не доехал. И машину подбили, и самого его немного задело. В плен попал. Бежал, правда, вскоре. В том же Львове скрывался. Рабочие, какие знали его еще по подпольной работе, помогли.

Он рассказывал и нет-нет да и поглядывал на двигатель, который демонтировали товарищи из его бригады.

— С тех пор и не воевали? — спросил я.

— Почему ж не воевал? Здесь воевал. В народную Польшу вернулся, в Гданьск. Развалины на верфи разбирали. И я разбирал. Тогда уже в Польской рабочей партии состоял. Нас тут всего одиннадцать партийцев оказалось. В драку мы пошли насмерть. Были тут деятели, всем доказывали, что надо верфь отдать в концессию какой-нибудь иностранной буржуазной фирме. Дескать, одни не справимся. А мы, рабочие, говорим: «Нет! Сами корабли строить будем». И начали строить. Первому кораблю дали имя хорошего нашего рабочего-разметчика Станислава Солдека. Второй назвали «Рабочее единство». Третьим был рудовоз «Бригада Маковского». Наша это бригада, гданьская.

— Ковальский! — крикнул опять кто-то.

И мимо нас в узком проходе прошагал маленький, сухонький старичок. Вероятно, звали его. Стефан Пауль снова посмотрел туда, где работали его товарищи. Больше задерживать его я не мог.

И он ушел. Невысокий, в неказистой кепчонке, незаметный, неброский, обычный рабочий человек. Но когда я слышу торжественные и такие весомые слова «рабочий класс», то всегда представляю людей, как Пауль, как незнакомые мне Ковальские. Именно такие вынесли на своих плечах саму историю и переделали ее в своей стране, исходя из своих убеждений, из своей самой главной на земле рабочей правды.

Мы шли к выходу мимо обелиска, воздвигнутого в память присвоения Гданьской судоверфи имени Владимира Ильича Ленина. А навстречу парни. Человек десять. Какой-то оживленный у них разговор. Я, конечно, ничего не понял. Только уловил одно-единственное слово: «Ковальский».

— Слушайте, сколько же у вас Ковальских? — спросил я.

— Столько же, сколько у вас Кузнецовых,— ответил переводчик.

Кузнецов, Ковальский... Все справедливо. В одной книжке я вычитал, что самая распространенная фамилия на земном шаре является производной от слова «кузнец», «коваль» — по-польски. Самая распространенная в мире фамилия напоминает людям, что все блага земные, все завоевания разума имеют в своем истоке первую рабочую профессию. На ней стоит история.

Об автографах. Лирическое отступление, связывающее главу предыдущую с последующей

Если ты выехал за границу, будь ты турист, журналист или сугубо деловой командированный, тебе обязательно захочется поближе узнать историю страны, в которой оказался. И идут люди на встречу с древностью — кто с волнением, кто с профессиональным интересом, кто из потребности увидеть то, о чем читал или слышал, кто из простого любопытства.

То, о чем я хочу сказать, будет не оригинально. Многие уже высказались достаточно осуждающе о любителях оставлять автографы на стенах древних замков, на всем, что зовет к себе людей своей исторической значимостью. И в Польше таких надписей я видел предостаточно. На всех языках мира.

Что это, традиция? Но любая традиция имеет свои корни, свои причины. Быть может, все это идет от желания человека хоть каким-то образом приобщиться к вечности, поставить свое имя на чем-то, что представляется ему бессмертным, и тем самым приобрести иллюзорное чувство собственного бессмертия? Пожалуй, в этом есть смысл, только на такой автограф надо иметь право.

Бороздит моря и океаны корабль с именем польского рабочего Станислава Солдека. Камни фашистского рейхстага с автографами простых советских солдат, прошедших от Сталинграда до Берлина, честные немцы хранят как величайшую историческую реликвию, как символ победы разума над безумием. Мои земляки и соотечественники не думали о бессмертии, оставляя свои автографы углем, мелом, обломком кирпича, а то и просто штыком на стенах резиденции мракобесия. Они просто были счастливы.

О том, как иногда страшно говорить с самим собой

Есть вещи, о которых никогда нельзя забывать и о которых нужно напоминать человечеству без конца. Говоря о Польше, нельзя не рассказать о Майданеке, рассказать, чтобы еще лучше понять характер страны, ее испепеляющую ненависть к фашизму и ее несокрушимое жизнелюбие.

...Знойный летний день в Майданеке. Я взял с собой портативный диктофон и повторял в него все, что мне говорил научный сотрудник музея на Майданеке Райца Чеслав. Еще я рассказывал магнитофонной ленте все, что видел своими глазами, все, что чувствовал.

Это было днем. А на ночлег мы остановились в роскошном доме отдыха журналистов в старинном и живописном Казимеже.

Когда шум курортного городка утих, я положил перед собой блокнот, чтобы записать впечатления прошедшего дня.

До чего ж уютным было кресло, и такой удобный стол, и спокойный свет от настольной лампы! В открытую дверь балкона дул теплый ветерок с Вислы. Что еще нужно человеку для отдыха?

Но работа есть работа. Включил диктофон.

«Майданек был назван так по району города Люблина. Собственно говоря, лагерь был почти в черте города. Построили его не полностью. Здесь помещали около сорока тысяч человек. По генеральному плану (страшно звучит: генеральный план лагеря смерти!) Майданек должен был вместить сто пятьдесят тысяч людей. До войны во всем Люблине было около ста тысяч жителей. Уничтожено в Майданеке полтора миллиона человек».

Я не узнал своего голоса. Вдруг стало холодно. Поверьте, страшно услышать себя самого из обители смерти, когда сидишь в комнате, где все до мелочей сделано так, чтобы тебе было удобно, чтобы ничто не омрачало твой тихий отдых.

«Одноэтажное строение. Стоим в большой комнате. Здесь три двери. Через первую (мы вошли в нее) загоняли заключенных. Тут их осматривали. Одних выводили во вторую дверь — во двор, значит, жить. Других — в третью. Этим оставалось жить меньше часа. Коридор за этой дверью ведет к газовым камерам. Иду по нему».

Диктофон включен. Я слышу свои шаги по коридору. Один, два, три... 32 шага до смерти.

«Входим в барак. Документы людей, которых здесь убили. Документы на разных языках. Ищу русский. Анна Ивановна Жизневская — колхозница из Белоруссии. Жизневская!..»

В диктофоне душераздирающий скрежет: я записал, как скрипит дверь в бараке. И вдруг легкие переборы гитары. Это уже не в диктофоне. Выглянул в окно. Какой-то парень шел мимо корпуса дома отдыха, вполголоса напевал незнакомую песню.

«Громадными прямоугольниками за мелкой сеткой — обувь. Не знаю, сколько. Десятки или сотни тысяч. Женские туфли с тупыми носами на толстых каблуках. Мужские с плетеным верхом, очень похожие на те, которые сейчас на мне. Босоножки, футбольная бутса, тапочки-шлепанцы, галоши. Знали ли их хозяева, уходя из магазина, что купили последнюю в своей жизни обувь?»

И вдруг счастливый смех. Но это опять за окном. Снова выглянул: под самым моим балконом сидели на столике двое. Он целовал ее в хохочущие губы, а она болтала ногами. Я заметил белые туфельки с обрубленными носами и на толстых каблуках. Довоенная мода, оказывается, близка нынешней.

«Стою в большом крематории. Строй печей. Производительность крематория... Нет, нужно иметь железные нервы, чтобы произносить эти слова!.. Производительность крематория — одна тысяча трупов в сутки. Дверцы печей открыты. Из одной торчит железная ручка носилок, на которых трупы вдвигали в раскаленный зев печи. Я дотронулся до этой ручки. Она была теплая. Понимаю: это потому, что жара. И все равно мороз по коже. Она теплая!»

«Рядом с печами, совсем близко, в двух шагах, под той же крышей,— персональная баня шефа крематория. Вода, которой он мылся, нагревалась тем же огнем, который сжигал тысячу трупов в сутки».

«Стою около большого холма. Высота — примерно два человеческих роста. Прошу перевести надпись на каменной плите. «Братская могила из пепла и костей узников, уничтоженных в Майданеке. Построена жителями Люблинского воеводства в 1947 году».

«На холме трава и какие-то цветы. Их никто не сажал. Присмотрелся. Один чем-то напомнил наш василек, хотя явно это был другой цветок. Спросил у экскурсовода. Не знает. Странное дело: на Майданеке растут такие цветы, каких в Польше не встретишь больше нигде. Ботаники решили так: вероятнее всего, семена этих цветов приносили на своей одежде узники со всех концов Европы. Люди погибли здесь, вдали от своих городов и сел, вдали от матерей, детей, жен, невест, а на их могиле сами собой выросли цветы их родины».

«Забрался в сторожевую башню. Длинное окно, застекленное только наполовину. Внизу узенькая полоска земли — зона смерти. Если узник ступал на нее, в него стреляли без предупреждения. Как раз с того места, где я стою. Стреляли из пулемета. Отсюда виден весь лагерь. Под музей оставлено только одно поле из шести. На остальных, по-прежнему огороженных колючей проволокой, буйно растет трава. На Майданеке сенокос. Два крестьянина, как раз в зоне смерти, грузят на большую телегу сено. Здесь на полу масса следов: рифленые — от подметок тяжелых мокасин, ажурные — от баскетбольных кед. Даже каблучки-гвоздики рискнули забраться сюда. На стекле окна — десятка два божьих коровок. Два цвета. Красное и черное. Красное и черное. Стены деревянные, чистые, светлые».

Я выключил диктофон. Стояла глубокая ночь. И тишина. Ветер слегка качал штору у балконной двери. Кончился ночной разговор с самим собой. И появилось какое-то чувство неудовлетворенности. Чего-то очень важного там, в Майданеке, я не заметил. Чего же?

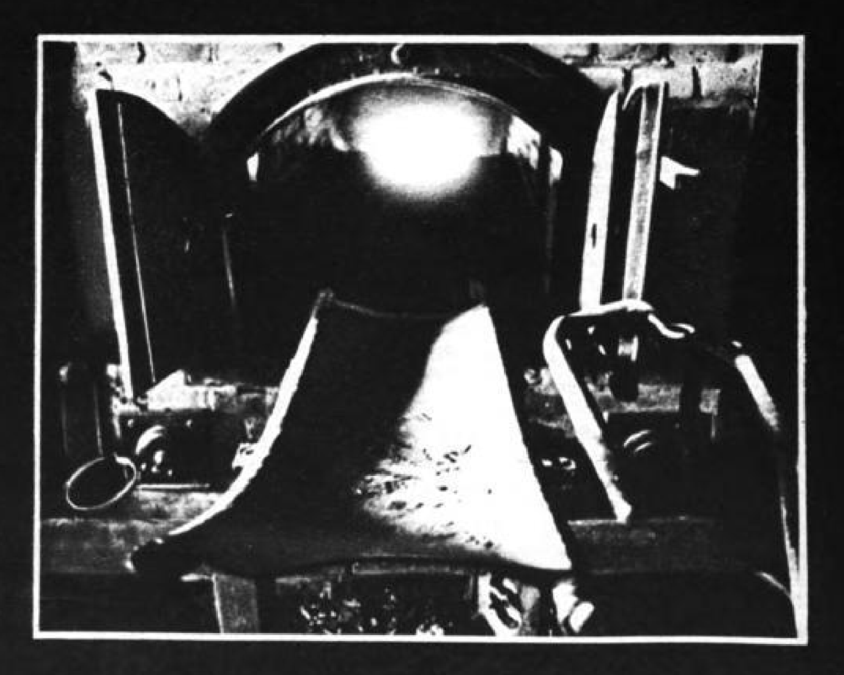
Вышел на балкон покурить. На площадке внизу перед корпусом пусто. Ушла парочка. И парень, что брел тут с гитарой, наверное, видит десятый сон. Деревья стоят совсем притихшие. Скоро начнет

Продол... на стр. ...

Говоря о Польше, нельзя не рассказать о Майданеке, рассказать, чтобы еще лучше понять характер страны, ее испепеляющую ненависть к фашизму и ее несокрушимое жизнелюбие.

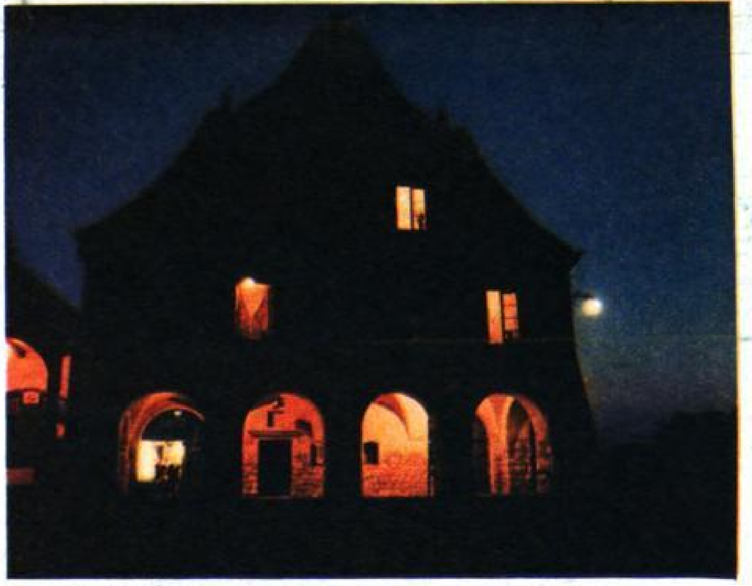

Стефан Пауль — революционер, солдат, коммунист, рабочий человек.

В Польше популярны... римские сандалии.

Огни Казимежа, города-курорта, города-памятника.

Польша умеет веселиться и умеет приглашать на веселье.

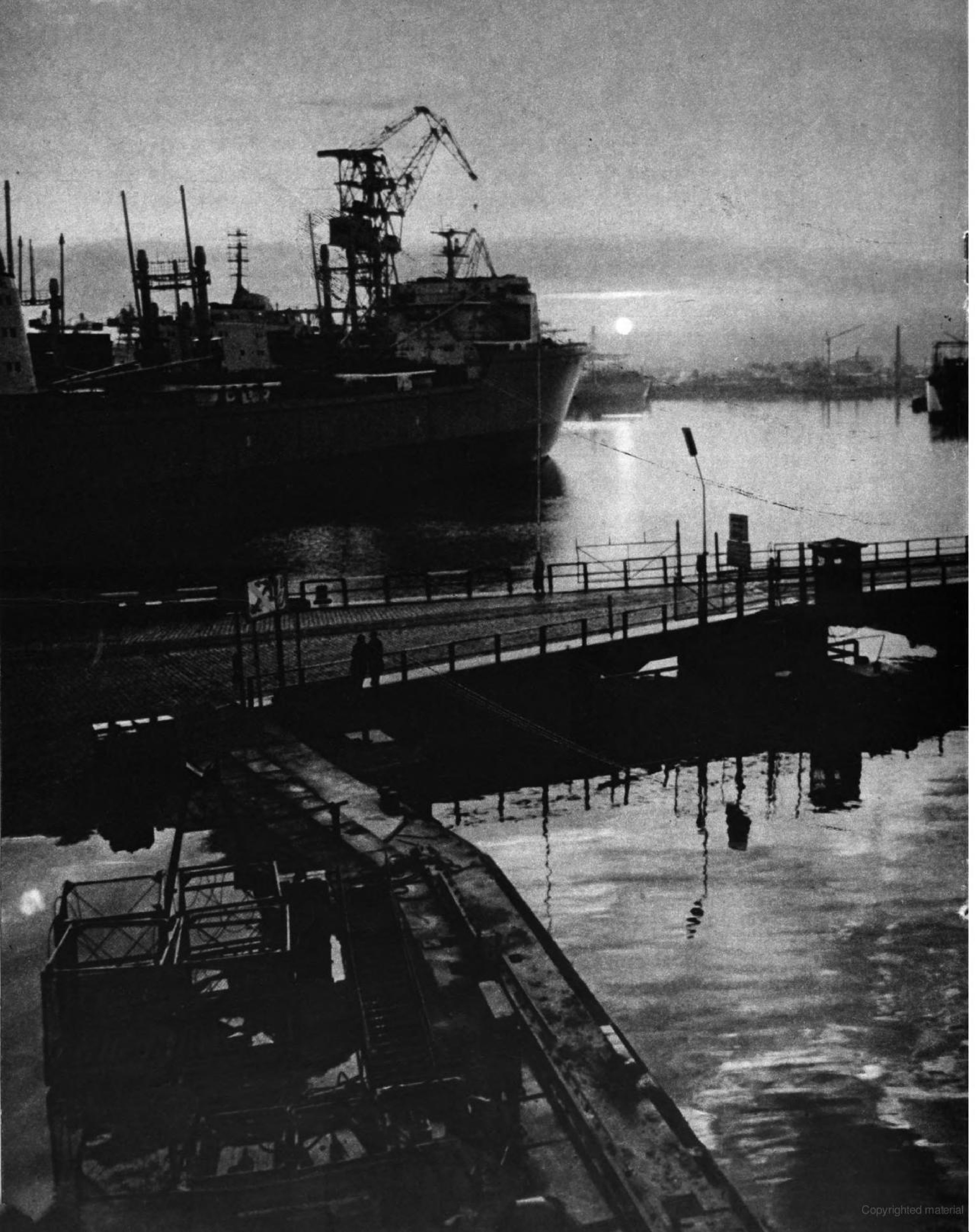

Говорят, что голуби помогают мечтать.

Первая мысль об искусстве.

Каньон Дунайца — мекка польских туристов.

Отдыхает Гданьская судоверфь. Закончен еще один трудовой день.

Мода по-польски.

Кто не видел Кракова, тот не знает Польши. Впрочем, варшавяне, познанцы, патриоты Люблина, Гдыни, Лодзи думают иначе.

Фото специального корреспондента «Огонька» Л. ШЕРСТЕННИКОВА и польского агентства «Интерпресс».

Как видите, горняки умеют не только добывать уголь.

Об истории, судьбе, значении, мощи этого металлургическо-го комбината говорит его имя.

Для праздника урожая оказывается тесным даже варшавский стадион, вмещающий сто тысяч зрителей.

светать, и птицы поднимут свой предутренний гам. Далеко на горе едва угадывается силуэт старинной башни. Утром обязательно поднимусь туда, и наверняка там будут...

Стоп.

Я вернулся в комнату. Взял диктофон, перекрутил пленку назад. «...На стекле окна десятка два божьих коровок. Два цвета. Красное и черное. Красное и черное. Стены деревянные, чистые, светлые».

Я отчетливо помню: на этих чистых и светлых стенах не было ни одной надписи, ни одного автографа. Никому в голову не пришла мысль оставить тут свое имя. Никто не посмел прикоснуться к этой странице истории.

О сельскохозяйственном кружке и о вопросах, на которые трудно ответить сразу

А теперь надо ехать в село. И обязательно в сельскохозяйственный кружок, потому что это самое главное, интересное и сложное в современной сельской Польше.

Кружок — в живописной деревушке Учехов, в часе езды от Вроцлава. Пока ехали, инженер Фарбишевский из Вроцлавского воеводства в самой популярной форме рассказывал, что это вообще за штука — сельскохозяйственный кружок.

Вкратце я понял вот что: кружок — это форма, выгодная и государству и крестьянину. Выгодная, потому что, объединяясь в кружки, единоличник получает возможность пользоваться техникой, вести свое хозяйство более грамотно, более современно, с большей эффективностью. А отсюда прямая выгода государству: оно получит от единоличника больше зерна, мяса, молока. Крестьяне, продающие государству часть продукции своего хозяйства по обязательным госпоставкам, получают за нее неполную рыночную стоимость, разница идет в фонд развития сельского хозяйства, то есть на общие нужды того же кружка, в котором состоит единоличник. И эта общественная сумма получается весьма внушительная.

В кружке деревушки Учехов разговор пошел сугубо практический. Председатель кружка Станислав Бонк, человек, внешне ничем не похожий на сельского жителя, не без гордости показывал свое хозяйство, вернее, то, чем единоличники пользуются сообща. Инкубатор собственной конструкции. Комбайн. Трактора. Свой кружковский заводик строительных материалов. Общественное поле в 52 гектара с отменнейшей пшеницей. На это поле мы ехали по отличной дороге, построенной за счет того же фонда развития сельского хозяйства.

Потом Станислав Бонк сказал:

— Кружок приучает крестьянина к коллективному хозяйствованию. Кружок — переходная форма. И в смысле экономики и в смысле психологии.

— А ведь, наверное, непросто было единоличнику идти в кружок? — спросил я.

— И боязно и непросто,— согласился мой собеседник.— Но жизнь — самый убедительный агитатор.

И тут я узнал довольно забавную историю. Несколько лет назад Станислав Бонк никаким специалистом сельского хозяйства себя не считал. Он был директором школы, преподавал математику и физику. В округе к тому времени начали появляться кружки, но в деревушке Учехов о них никто и слышать не хотел.

И тогда директор школы собрал учителей. Посидели, подумали физики, филологи, химики и историки и решили создать сельскохозяйственный кружок. Смеху в деревне было! Интеллигенты, к крестьянскому труду, прямо сказать, не очень приспособленные,— и выкинули такой фокус! Посмеивались над чудаками ровно год. А через год задумались. Забавная история: урожаи интеллигенты получили выше, чем потомственные хлеборобы.

В нынешнем году кружку исполнилось пять лет. Входят в него 144 хозяйства из трех деревень. А упрямцев, скептиков и сомневающихся в тех деревнях осталось всего 12.

— А живем мы так,— продолжал председатель.— Приходит ко мне крестьянин с заявкой: вспаши ему в такой-то день поле, или выдели ему сеялку, или обмолоти зерно. У нас машин в достатке, механизаторы отличные. Пожалуйста, сделаем. Есть уже много хозяйств, где кружок производит весь цикл работ, от посева до вывозки зерна в хранилище, с участием хозяина, разумеется.

— Так какой же он единоличник в таком случае? — удивился я.

— Дело не в названии. Вы же про психологию спрашивали. Так разве может она остаться прежней при такой организации? Психология собственника — вещь крепкая. Только социализм еще крепче, и аргументы он выдвигает слишком неоспоримые.

Разговор шел интересный, а меня так и подмывало попросить: «Да покажите же вы наконец мне живого единоличника, самого убежденного!» Наконец сказал об этом.

Убежденным единоличником, правда, тоже входящим в кружок, оказался Михал Фиор. Встретил он нас мрачнее тучи, даже не осведомился, каких гостей привел к нему председатель.

— У него недавно сын умер, потому он и такой. Очень переживает,— шепнул мне Станислав Бонк.

Фиор водил нас по своему хозяйству и все повторял:

— Эх, если бы сын был жив, мы бы с ним...

А через минуту:

— И надо ж так... А какой парень был... В шестнадцать лет уже семьдесят килограммов весил и высокий. Мужик настоящий.

Хозяйство у Фиора крепкое, даже неспециалисту это ясно без расспросов.

Когда мы садились в машину, Фиор подошел и все-таки спросил, кто я. А когда узнал, что русский к нему в гости пожаловал, обнял за плечо, отвел в сторону.

— А сын был у меня... Хороший мужик.— Помолчал, потом добавил: — И кому я теперь все это оставлю?

Я посмотрел ему в глаза, в них было столько печали, тоски и смятения. Убежденный единоличник решал самый сложный вопрос в своей жизни. Как он ответит на него? Сразу такое не решишь.

В машине Бонк продолжил прерванный разговор:

— Еще мы строим много домов для молодоженов. Есть у нас школа, будет клуб. Жизнь идет нормально.— И улыбнулся.

А я подумал, что ему никогда не придется решать таких страшных вопросов, как Михалу Фиору. И все это имеет прямое отношение к нашему разговору о психологии, о социализме и о будущем польского сельского хозяйства.

О характере. Лирическое отступление, подводящее итог всему рассказанному

И вот я уезжаю из Польши. Идет дождь. На вокзале слякотно. И новые мои друзья спрашивают, понравилась ли мне их страна. Просят ответить честно и откровенно. Я говорю: понравилась.

Если бы меня спросили, полюбил ли я Польшу, я бы ответил: да, полюбил. Но можно полюбить пылко и страстно, а через год развести руками и сказать: не сошлись характерами.

Характер... А что это такое? Один мудрый человек объяснял так: «Характер состоит в энергичном стремлении к достижению целей, которые каждый себе указывает».

Цели у нас одни, стремления общие, характерами мы сошлись во всем, хотя люди (скажем, я — русский, и Станислав Бонк — поляк), конечно, имеют свои национальные особенности характера.

Могут быть неповторимые города в разных концах земли, могут быть другие цветы и деревья в лесах другой страны, но взгляды и убеждения людей не могут не быть близкими друг другу, если государства имеют один, социалистический характер.

Поезд убыстряет бег. Мелькают дома, поля, деревья. И я отвечаю самому себе: «Люблю!»

Поэт, прозаик и публицист Станислав Ришард Добровольский родился в 1907 году. Им созданы поэтические произведения «Прощание с Фермопилами», «Яносик из Тарховой» и многие другие, роман «Петр и Анна», публицистический сборник «Свобода — но какая?».

Станислав Ришард **ДОБРОВОЛЬСКИЙ**

СЛАВЛЮ ЗЕМЛЮ РОДНУЮ

Славлю, славлю землю родную,
землю польскую, простор мой —
от зеленых пастбищ над Бугом
и лесных ручьев безымянных
Августова и Беловежи,
от рыбацкого побережья
у балтийских затонов серых
до хмурого неба Заглемби,
что багрово ночью от зарев
над кузницей нашей мощи,
до Одера, лужицкой Ниссы,
до скальных обрывов снежных
на границе горного ветра,—
славлю землю мою как умею!
О земля моя, край извечный!
То тебя ведь любил до боли
Ян из Чернолесья [1],
создатель
языка твоих поэтов,
что были, как мы, готовы
жизнь отдать за одно на свете,
что дороже всего,—
за свободу!
О земля, по тебе ступали
Миколай Коперник, родом
из Торуни, светом мысли
озаривший небо науки,
светом разума, что превыше
купола Петра в Риме;
и Мицкевич, лучший из поэтов;
и Фридерик Шопен, художник.
О земля, земля родная,
их слава тебе осталась,
я же славлю тебя как умею...
Тебя, что меня когда-то
примет в свои объятья,
как уже принимала
от стольких поколений
бессчетные кости поляков!
Земля, земля родная,
сколькие вздохом последним
тебя одну прославляли
да солнце над той межою,
горькую кровь впитавшей
Ясиньского Якуба,
Годебского Циприана,
Дембовского и Новотки,
Сцегенного и Сверчевского,
чью пожимал я руку
вот этой самой рукою,
что водит пером поэта
и славит тебя как умеет!

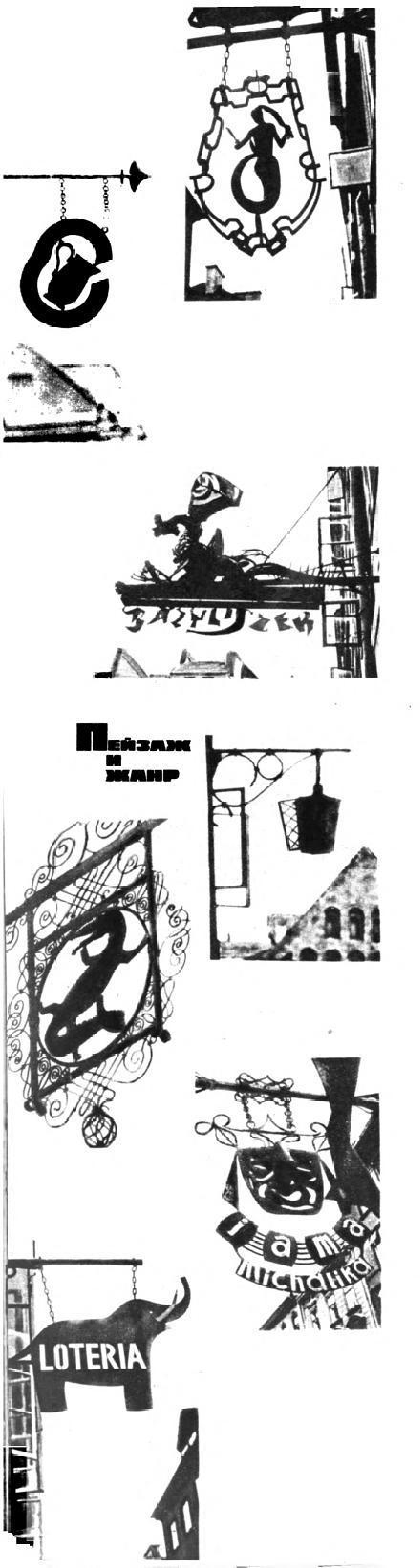
Шумящая синим морем,
пахнущая яровыми,
и молоком, и медом,
звенящая звоном ульев
и молотков перестуком,
раскинувшаяся над Гопло,
простертая по - над Вислой,
я славлю тебя за то, что
ты создала человека,
каких еще не бывало,—
без волчьих клыков и взглядов.
Земля моя, как невеста,
опоясана поясом братства,
любовь моя, край мой милый,
новый под новым небом.

[1] Ян Кохановский — крупнейший польский поэт XVI века.

КОММУНИСТЫ

Любили детей и цветы,
ненавидели и мечтали,
бились, рушили, умирали,
оставаясь со смертью на ты
(нет и речи о мелочах,
отравляющих светлый час)...
Но с надеждой они глядели
сквозь кровавый туман и темь
и далекий день
приближали на деле.
Такими были.
И такие сегодня те,
что воюют, любят, мечтают,
рушат,
заново созидают
в ослепительной высоте,—
коммунисты!..
Кто ж они — те,
что над ними глумятся низко?..

Перевел с польского
А. **НАУМОВ.**

Богдан ЧЕШКО

Польский писатель Богдан Чешко родился в 1923 году. Прозаик и публицист. С первых лет оккупации был связан с подпольной работой. С 1942 года нес службу в отрядах Гвардии людовой. По окончании войны Чешко работал в Министерстве обороны. Основную роль в его творчестве играет реалистическая проза, связанная с переменами, происходящими в народной Польше. Наиболее ярким произведением этого плана является роман «Поколение», удостоенный Государственной премии. Богдан Чешко — автор сборников рассказов «Коралловые кусты», «Гобелен с оленем», романа «Трен».

СОЛДАТ-ХОЗЯИН

Рассказ

Рисунок Ю. ВЕЧЕРСКОГО.

Необъятный черно-белый простор сопутствовал нашим дням. Сменяли друг друга снега и дожди, дули сильные и пронизывающие ветры, а батальон шел и шел через прифронтовую зону на передовую позицию.

Мы проходили мимо изуродованной военной техники, мимо раздувшихся трупов животных, мимо пустых домов. На улицах городков под сапогами шелестели бумаги, приказы, распоряжения устроителей «нового порядка», уже устаревшие, мертвые, исписанные заковыристой готикой, со свастикой и гербами райха.

Солнце сопутствовало батальону, перегоняло его, и, когда скрывалось из глаз, все становилось вдруг умиротворенным и тихим: и черно-белый простор, и темные груды сгоревшего металла, и пустые дома, и даже палая листва уже никому не угрожавших бумаг. Наступала ласковая ночь. И только ноги болели, стоптанные на марше. На войне нет отдыха.

На рождество мы вошли в маленькую деревеньку, притулившуюся среди лесов, холмов и озер. Это место казалось неправдоподобно красивым. Деревенька была покинута жителями. Мы привели в порядок дом, соорудили нары и стояки для оружия. После учений пекли картофельные лепешки, ребята называли их «блинами». По вечерам молча сидели вокруг коптилки, занимаясь каждый своим делом. Разговоры не клеились, во взводе не было ни одного рассказчика. Руки были тяжелые, как после жатвы, в пальцах болезненно пульсировала кровь, горели обветренные щеки.

Шумел ветер, потрескивали на огне лепешки. Их переворачивал немецким штыком взводный Жмурко, мясник из Люблина. Он делил лепешки несправедливо, не заботясь о том, что таким образом усугубляет чувства неприязни и враждебности, которые возбудил среди товарищей. Преисполненный высокомерия, он рассказывал глупые анекдоты и беззастенчиво издевался над людьми рассудительными и спокойными.

Во взводе большинство солдат были крестьяне — поляки из Западной Украины и Белоруссии,— люди спокойные и медлительные, наделенные безмерной терпеливостью. Среди них царило доброе молчаливое товарищество.

Так вот, тогда Жмурко пек лепешки и варил мясо косули.

Животные здесь были непуганые. Беременные самки не могли бегать быстро. Жмурко стрелял хорошо. В спокойное, туманное утро отголосок выстрела тонул в зарослях камыша и перелесках.

Жмурко потрошил дичь на гумне с присущей его специальности сноровкой. Я курил утреннюю трубку и наблюдал, как он это делает. Жмурко взвешивал на ладони плод, плавающий в пузыре, полном жидкости. Движения мясника казались даже ласковыми. Я отошел. Он посмотрел мне вслед и, усмехаясь, сказал:

— Привыкай, сержант, война!..

Был во взводе солдат по фамилии Дымидко. О нем немногое можно сказать, потому что он все время молчал. Это был мощный, приземистый крестьянин с медвежьей осанкой, никогда не устававший на марше. Неизвестно даже, была ли у него своя земля или он батрачил. Дымидко умел чинить сапоги. В его грубых и нескладных ладонях была несколько топорная старательность мастера-ломастера. Человек этот, как буханка хлеба. У него, должно быть, добрая душа, но он не умеет выразить словами своих чувств, а потому выражает их делами. На войне этого достаточно.

Вечерами мы чистили оружие, сидя полукругом вокруг коптилки. Некоторые писали письма на четвертушках бумаги, которые потом изобретательно складывали в треугольник и подписывали номерами полевой почты.

Я любил это время. Сон медленно наплывал, как густая смола. Я брал полушубок, выходил из избы, садился на лавку у стены и курил последнюю за день трубку, чувствуя себя старым и добрым в свои двадцать лет. Как быстро складываются привычки! Я уже знал, что сейчас со скотного двора выйдет Дымидко с ведром молока, потом я вытряхну из трубки раскаленные крошки, постучу ею о каблук и с минуту посмотрю на то, что видно в свете луны. Луна тут кажется мне более грозной, чем над Варшавой, она здесь холодная, суровая и сморщенная. Земля уже начинает киснуть к весне. Озера полны рыбьей любви. Потом я думаю о том, вернусь ли с войны, и, уже не борясь с приливами сна, собираюсь войти в теплую избу.

Звонко стукнула скоба у дверей скотного двора. Дымидко загасил лампу, поднял с земли ведро.

В этот момент из-за угла забубнил своим нахальным голосом (все мне было неприятно в этом человеке) Жмурко, который вышел перед сном до ветру.

— Ну что, пастушок, подкорми коровку. Чеплицкий ей кланяется. (Чеплицкий был наш батальонный повар.) Попадет она на мой ножичек,— добавил он, застегивая пуговицы.

Дымидко подошел к моей лавке, зачерпнул кружку пенистого теплого молока. Рыхлая пена слегка подрагивала, когда я брал кружку из его ладоней.

— Это золотая корова,— сказал Дымидко, пока я пил.— Взводный Жмурко — плохой хозяин,— добавил он.

— Я ничего не могу поделать с такими людьми, Дымидко,— сказал я.— Мы идем на войну. Если бы не это, то мы никогда бы не были с ним вместе.

Дымидко молча ушел.

Когда я вернулся в избу, каждый уже получил свою кружку молока, остальное стояло в ведре около порога для парней из сторожевого отряда, которые ночью будут выходить на смену.

Через день, вечером, сидели мы вокруг лампы, заправленной жиром. Как обычно, щелкали открываемые и закрываемые затво-

ры, и, кроме этих звуков, сопровождаемых потрескиванием растапливаемого жира косули — в лампе и на сковородке Жмурко,— царила тишина, полная ожидания.

Пришел приказ, чтобы самое тяжелое саперное оборудование собрать и уложить на возы. Это говорило о скором новом марше.

Жмурко повернул от плиты раскрасневшееся лицо и бросил через плечо, обращаясь к Дымидко:

— Завтра до обеда зарежу корову. Чеплицкий ей кланяется.

Дымидко сидел спокойно, держа поперек колен свой карабин. Не вставая с табурета, он поставил оружие в пирамиду, а когда Жмурко снова взглянул в его сторону, отрицательно покачал головой и повернулся спиной к взводному.

Кто-то кашлянул в напряженной тишине. Среди этих людей, таких экономных в словах и жестах, так сдержанно все взвешивающих, поступок Дымидко вызвал замешательство. Для них очень много значило — повернуться к кому-нибудь спиной.

— К унтер-офицеру спиной поворачиваешься, холоп,— заворчал мясник.

Дымидко достал кисет и спокойно скрутил цигарку.

— Холоп...— уже громко произнес Жмурко.

— Спокойно,— сказал я.— Спокойно...

— На веревочке потащит ее за собой на фронт...— забурчал Жмурко.

Поздним вечером я снова сидел на лавочке подле дома, сильный ветер, бичевавший небо и землю, выдувал из моей трубки крошки раскаленного табака.

Привычно стукнула скоба на дверях скотного двора.

— Есть одно дело,— сказал Дымидко.— Я хотел бы до завтра увести корову в поселок. Там есть люди. Говорят вроде бы по-нашему, только иначе, булькают как-то. К перекличке вернусь. Прошу мне разрешить.

— Пусть они придут сами,— сказал я.

— Времени осталось мало.

— Я не могу позволить.

— Жаль. Такая корова даст хорошее потомство.

— Я могу только ни о чем не знать,— пробурчал я старую как мир обманчивую формулировку командиров, поставленных в трудную ситуацию.

Дымидко с облегчением засопел и попросил разрешения идти.

В этот вечер ко мне не пришел, как обычно, тягучий смолистый сон. В два часа ночи я вышел проверить посты.

Ветер усилился. Он свистел в ушах, задирал полы шинели. Во дворе, спрятав кисти рук в рукава, ходил Жмурко.

— Дымидко на скотном дворе,— сказал он.

Я звякнул скобой. В ноздри ударил сладковатый запах навоза и теплый запах молока. Здесь было темно и тихо. Когда мои зрачки расширились достаточно, чтобы побороть мрак, я разглядел мирно дремлющую корову и фигуру Дымидко, прислонившегося к круглому боку животного. Он спал.

— Почему ты уверен, что люди, которым ты отдашь корову, не зарежут ее?— спросил я, разбудив солдата.

— Эти люди — хозяева. Я сказал им, что, когда буду возвращаться с войны, приду проверить, как они ее сохранили. Эта корова ничья, значит, она общая, а такую нельзя зарезать. Корова хорошей породы, даст потомство. Сколько мы прошли дорог, и везде на обочинах мертвая скотина.

Он забренчал цепью, бормоча что-то совсем мирное, по-хозяйски нежное. Корова понюхала мою ладонь, громко вздохнула и двинулась за Дымидко, простучав копытами о порог. Я вышел на дорогу и смотрел вслед. Дымидко исчез за углом риги, а позднее я увидел его большую тень, которая двигалась по хребту холма, навстречу весеннему ветру. Корова доверчиво шла следом. Ветер доносил монотонный пастушеский окрик: «Х-о-о... х-о-о...»

Утром батальон двинулся к фронту на боевые позиции.

Перевел с польского
Юрий СБИТНЕВ.

Ярослав ИВАШКЕВИЧ

Ярослав Ивашкевич родился в 1894 году, как поэт выступает с 1915 года. Его перу принадлежат сборники стихов («Октостих», «Лето 1932» и другие), романы, повести и рассказы («Красные щиты», «Восходит луна», «Заговор мужчин»), драмы, очерки на музыкальные темы, художественные переводы (здесь большое место занимает русская поэзия). В послевоенный период создал крупное прозаическое произведение «Слава и честь», книгу рассказов «Татарак».

БЕНЗИН „АРАЛ"

Fahre ohne Sorge,
Fahre mit Aral[1].

Она не может говорить с поляком —
У ней поляки застрелили мужа.
Я ж разговариваю с немцами, хоть немцы
Убили шесть мильонов наших.

Fahre ohne Sorge,
Fahre mit Aral.

Да что там шесть мильонов.
Они убили Сташека,
Они убили Янека,
Анджея
И Марысю,
Стася Липского, Стася Ковальчика,
И Стася, и Стася, и Стася...

Fahre mit Reemtma.
Fahre mit Aral[2].

В каком живем мы мире?
Как это возможно?
Мы с немцами —
Так надо —
Беседуем любезно.
Они не убивали,
Это другие.
А кто виновен?

Поезжай спокойно,
Ты едешь на «Арале».
Граница по Одеру — Нейсе
Никогда, и так далее.

Романтические пейзажи,
В тумане лес задремал...
Гейдельберг, Марбург, Штутгарт,
И женщина эта в вагоне —
Сверлящий взгляд.— Фрау Зорге,
Вы пользуетесь тоже
Бензином фирмы «Арал»?

Guten Tag, liebe Frau Sorge[3].
Так приятно — я просто в восторге —
Ехать с вами, и почему бы
Нам вместе не мчаться вдаль?
Хоть даль эта несколько мутная,
Осенняя, неуютная
И хоть не оставляет
Душу мою печаль.
Я сигарету Ремтма
Достану, и закурю,
И, как подобает, с немцами
Весело поговорю:
— А милый маленький Иорген
Кем станет? Что он избрал?

Fahre ohne Sorge,
Fahre mit Aral.

Перевела с польского
М. ПАВЛОВА.

[1] Тот едет без забот, кто пользуется бензином «Арал» (н е м.).
[2] Пользуйтесь сигаретами Ремтма. Пользуйтесь бензином «Арал» (н е м.).
[3] Добрый день, дорогая госпожа Зорге (н е м).

Пожалуй, мы не ошибемся, сказав, что эти женщины сегодня — самые популярные в Польше. Киноактриса Пола Ракса и старшина милиции Эльжбета Бек.

ЗНАМЕНИТОСТИ

Фоторепортаж Льва ШЕРСТЕННИКОВА.

Лодзь. Студия. По-польски «Вытвурня фильмув фабулярных» — значит художественных. Лето. Золотая пора натурных съемок, студия пуста, пусты коридоры, увешанные фотографиями со знакомыми лицами — Цыбульский, Кшыжевска, Винницка...

Павильон. Декорация — перевернутый кабинет, на потолке стол и стулья, свисают телефонные трубки, а пол — потолок, идешь по потолку... Новый фильм — гротеск.

— Приготовились, дубль номер три,— хлопает в ладоши Станислав Барея, режиссер фильма.

...Меркнут юпитеры, ассистенты уносят отснятые кассеты, сегодня и этот павильон опустеет.

Несколько вопросов Поле Раксе:

— Который это у вас фильм по счету?

— Восемнадцатый.

— А какой был первый?

— Назывался он «Дьявол из седьмого класса».

— Как вы попали в кино?

— Я училась на филологии во Вроцлавском университете. Однажды с подругой мы зашли в молочное кафе и попали в кадр фоторепортера журнала «Доокола Швята». По опубликованному снимку меня разыскала режиссер «Дьявола» Мария Каневска и предложила главную роль.

— Ваш новый фильм «Приключение с песенкой»?

— Это по известной оперетте композитора Сарта Марека «Мисс Полония». Кстати, ее премьера недавно состоялась у вас в Свердловске.

— И здесь у вас также главная роль?

— Да.

— Вам, видимо, везет на главные роли?

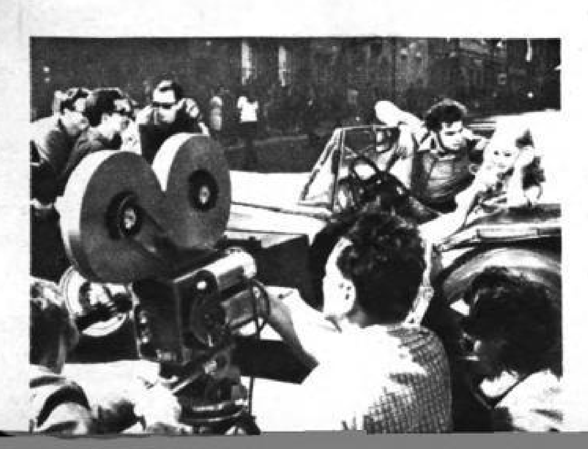
— Из всех картин, в которых я снялась, только в одной роль была не главной — «Разводов не будет». Но этот фильм оказался для меня символичным — я вышла замуж.

— После премьеры фильма «Зося» мы ждали вас в Москву, на фестиваль, но вы...

— У меня родился сын. Сейчас ему восемь месяцев. Мы переезжаем в Варшаву, где у нас будет дом. Там сейчас ремонт и, простите, домашние хлопоты...

«Филология, семья или кино?» — последнего вопроса я уже не задал. Первое в прошлом — Ракса после ухода в кино окончила актерский факультет. Второе и третье — не противопоставление, а дополнение.
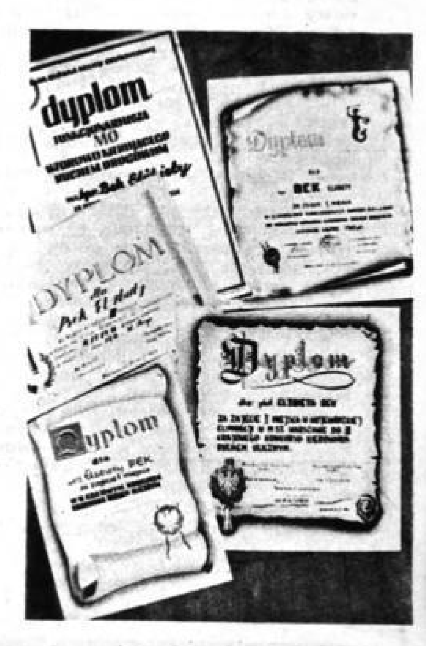

ЗНАМЕНИТОСТИ

...На самом оживленном перекрестке Варшавы, там, где схлестываются потоки серо-голубых «Варшав», малиновых «Фиатов» и черных «Волг»,— экзамен. Под крышей центрального универмага — комиссия. Точкой среди ревущего автостада — экзаменуемый. Белая фуражка, белый китель, белые перчатки и... каблуки-шпильки. Взмах руки — и возникают стройные потоки — мелодии перекрестка, со своей гармонией, со своим ритмом.

Какими качествами должен обладать дирижер? Чувством ритма и характером повелителя, трезвостью, строгостью и элегантностью.

Несколько лет назад, когда мне пришлось снимать постового на улице Ташкента — роскошные усы, четкие движения, бравая осанка,— начальник городского ОРУДа говорил:

— Пятьдесят процентов залога успешной работы постового — его внешний вид, который сам уже должен дисциплинировать водителя.

Эльжбета Бек — первое имя, которое я услышал в Варшаве. О многократном победителе варшавских и польских конкурсов регулировщиков уличного движения писали газеты и журналы, владельцы автомобилей искали случая нарушить (но в рамках, конечно!) правила уличного движения, чтобы получить не лишенное приятности внушение. Эльжбету я разыскал на Варшавской... телестудии. Снималось музыкальное телеревю о Варшаве. А кто может быть лучшим гидом, как не признанная хозяйка столичных магистралей?..

В архиве Эльжбеты снимки, снимки. Дары нарушителей — автофотолюбителей. Бек и известный писатель N. Нарушил. Бек и актер Р. Эльжбета в кругу коллег. Эльжбета на Маршалковской. Зима. Эльжбета в меховом полушубке. Старая коняга тянет воз.

— О! Это уже история. Теперь в Варшаве такого не увидишь.

Эльжбете дарит цветы регулировщик движения в форме сержанта Войска польского. Коллега. День 8 Марта.

— Эльжбета, вы окончили специальную школу регулировщиков. Учат ли в этой школе точности жеста, красоте движений, как в балетной? И не в этом ли основа успеха вашей работы?

— Нет.

— А в чем же?

— В любви к своему городу. Не забывайте, я варшавянка...

Эльжбета и ее муж старшина милиции Богдан Симлят.

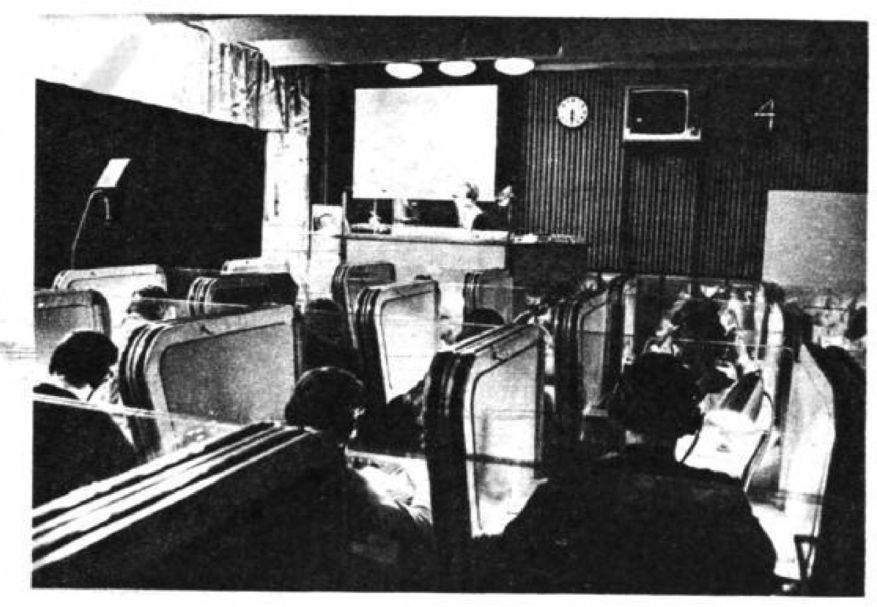

Директор техникума магистр Ян Бучек.

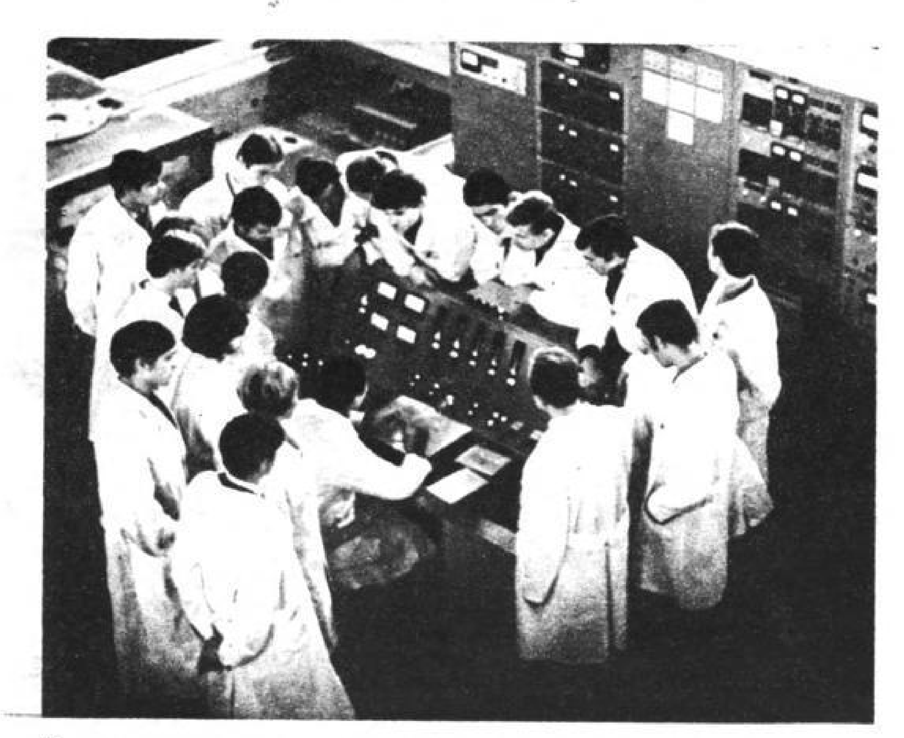

У входа в техникум.

„ЕВА" И МАЛЬЧИКИ ИЗ АТОМНОГО ВЕКА

Идут экзамены. Кто-то получил четверку.

На практических занятиях у пульта управления одного из реакторов ядерного института.

Современное двухэтажное здание, окруженное зеленью,— предмет гордости Отвоцка — города, расположенного среди сосновых лесов Варшавского воеводства. Надпись над входом: «Ядерный техникум имени Марии Кюри-Склодовской». Холл, застекленные коридоры, классы-мастерские, сильно отличающиеся от обычных школьных помещений. На столах — аппаратура, на стенах — распределительные щиты.

Создать такое учебное заведение было решено в июне 1963 года. Специфика школы требовала того, чтобы преподаватели были людьми, связанными с атомной энергией в ежедневной практике. Отвоцк был выбран не случайно: в Сверке — районе этого города — находится институт ядерных исследований, откуда пришли преподаватели специальных предметов и где будущие техники-атомники проходят практику, помимо всего прочего, и на трех действующих атомных реакторах: «Ева», «Анна» и «Марыля».

Ядерный техникум, в котором под руководством восьмидесяти преподавателей постигают тайны атомного ядра более 400 мальчиков и девочек, подготавливает среднетехнический персонал для всех отраслей народного хозяйства, все чаще использующих разнообразнейшие ядерные установки и материалы. Сейчас просто трудно себе представить дальнейший прогресс в металлургии, медицине, в сельском хозяйстве без изотопов.

Обычная программа по физике для этого техникума недостаточна. Физике учатся с первого до последнего года, а изучаемый материал, который в обычном лицее (школе) содержится в одном предмете, здесь разбит на пять отдельных лекционных курсов.

В течение первых трех лет изучаются общие предметы и языки. Специализация начинается на четвертом году. Специализация — это прежде всего лабораторные занятия. Когда не хватает школьных приборов, учащиеся пользуются техническим оборудованием института ядерных исследований.

К вступительным экзаменам допускаются лишь те, кто в последние два года обучения в школе имел только хорошие и отличные оценки. Из трехсот кандидатов, сдающих экзамены в техникум, только восемьдесят могут рассчитывать на прием.

Школьных дисциплин много и очень разных. Обязательно изучение русского и английского языков, вне программы — немецкий, французский, испанский. Лингафонный кабинет оборудован всевозможными приспособлениями.

В двадцати кабинах сидят ученики второго года обучения. Идет урок русского языка. Эпидиоскоп проектирует тему урока на экран. Преподаватель сидит за столом — распределительным щитом, напоминающим пульт современной электростанции. Отсюда, нажимая соответствующие кнопки, он может включить любой аппарат: магнитофон с записанной лекцией, телевизор, киноаппарат или, если это нужно, установку кондиционированного воздуха.

Но не только наукой живет человек, особенно молодой. При школе, кроме клуба, существует спортивный комплекс с большим гимнастическим залом, рингами и соответствующим инвентарем. В новом интернате есть закрытый бассейн. Кино- и фотолюбители имеют свой кабинет. Диапозитивы и учебные фильмы — дело рук ребят. Перед школьным зданием большой розарий — результат труда любителей цветоводства.

Этот техникум возбудил общественный интерес. Приезжают сюда различные деятели, журналисты. Один из журналистов назвал техникум «школой XXI века». Директор Ян Бучек говорит об этом с улыбкой, после чего уже серьезно добавляет:

— Школа наша очень современна, и ее успехи, несомненно, послужат тому, чтобы XXI век выглядел так, как мы его себе воображаем.

Польское агентство «Интерпресс»

Станислав Виспаньский. 1869—1907. МАТЕРИНСТВО.

Краков. Филиал Национального музея.

Юзеф Хельмонский. 1849—1914. ЧЕТВЕРКА.

Я. Мальчевский. 1855—1929. МОЛОДОЙ МАЛЯР.
Краков. Филиал Национального музея.

Феликс ДЕРЕЦКИЙ

КОВАРНЫЙ МЕТОД

Только спускаясь с трибуны, после того как я раскритиковал Сабачака, я осознал, какие неприятные последствия может вызвать этот факт. Тем более, что раскритикованный посмотрел на меня так выразительно, что я невольно вздрогнул.

Кто бы, однако, мог предполагать, что мой противник окажется таким искушенным психологом! Он моментально взял себя в руки и попросил слова.

— Я благодарю коллегу за справедливую критику,— сказал он, обращаясь ко мне.— Да, я заблуждался, но сейчас торжественно обещаю исправиться.

Я думал, что на этом все и кончится. На другой день в цеху я наткнулся на Сабачака.

— Благодетель ты мой! — взревел он неожиданно.— Никогда не забуду этой справедливой критики!

Мгновенно вокруг нас собралась толпа.

— Ах, оставьте,— пробормотал я, чувствуя себя весьма неловко.

— Как же я могу оказаться таким неблагодарным, как я могу забыть об услуге, которую вы мне оказали...

Я быстренько удрал из цеха, чувствуя спиной взгляды неохотно расходившихся рабочих.

Но это было еще не самое плохое. У меня как раз подошли именины, и вот в самый разгар веселья кто-то позвонил в дверь. Я решил, что это кто-нибудь из опоздавших гостей.

На пороге стоял Сабачак с кучкой своих детей.

— Падайте в ноги этому человеку,— приказал он.— Благодаря ему ваш отец стал лучше.

В прихожую сбегались гости.

— Он справедливо покритиковал меня на собрании,— объяснял Сабачак, указывая на меня.— Я пришел с детьми, чтобы поблагодарить его...

Я со злостью захлопнул дверь. Бледный и расстроенный, я еще долго слышал голос Сабачака, который на лестнице рассказывал соседям, какую большую услугу оказал я ему.

Естественно, хорошее настроение улетучилось, и гости начали расходиться.

Люди в нашем городке стали на меня как-то странно поглядывать. Слухи обо мне распространялись с быстротой молнии. Ко всему этому, конечно, был причастен Сабачак.

Я превратился в клубок нервов. В конце концов я не выдержал и попросил уволить меня с работы. Я решил перебраться в другой город.

Он настиг меня на станции, когда я шел к поезду.

— Благодетель! — орал он.— Прими еще раз мою самую сердечную благодарность!

Через толпу пробирался милиционер.

— Что здесь происходит? — спросил он грозно, приближаясь ко мне.

— Этот благородный человек,— сказал Сабачак,— покритиковал меня на собрании...

Милиционер посмотрел на меня с удивлением, отдал честь и отошел. Я протиснулся сквозь толпу любопытных и сел не в свой поезд.

В вагоне я вскрыл конверт со своей характеристикой. Она была отличная. Только в самом конце я прочитал: «Очень хороший общественник, справедливо критикует свое начальство».

Я вытер со лба пот. Сабачак добил меня окончательно.

— Тратить на заключение брака 150 злотых — это идиотизм. Лучше доложить сотнягу и купить две хороших долгоиграющих пластинки.

Рисунок К. Мозолевского.

— Тихо, сынок! Папа спорит со своим директором...

Рисунок Ю. Пухальского.

Иоанна ВИЛИНЬСКА

УРОК БЕРЕЖЛИВОСТИ

Из опыта некоего пана

Что тут скрывать, я человек расточительный, можно даже сказать — расточительный до безрассудства. Но мне все же хочется поделиться своим опытом бережливости. Как-то раз я сказал себе: «Пора идти в парикмахерскую»,— и тут же мне явилась другая мысль, скорее идея. Я надел на голову кастрюльку и обрезал все, что торчало из-под нее, а что в кастрюльке — это уж мое. Получилось очень хорошо, а в кармане у меня осталась некоторая сумма — прямо как подарили. Это послужило стимулом для дальнейших открытий.

Однажды хотел я взять такси, и вдруг непроизвольная мысль: «А почему бы не воспользоваться автобусом?» Иду к автобусу и думаю: «Он же тащится, как черепаха, быстрее пешком дойти». Ну и снова маленькая сумма в кармане, вроде бы подарили. Или, например, обед! В тот же день я ликвидировал обеды. Немного позже стал завтракать, немного раньше ужинать, и уже довольно солидные суммы начали оставаться в моем кармане. И тут я подумал: «Зачем завтрак, зачем ужин? Если уж человек обходится без приличного обеда, то ужин его не спасет. В конце концов у меня есть кастрюлька, можно размочить себе сухой колбасы. Или, например, газеты... Если в мире случится действительно что-нибудь чрезвычайное, об этом и так все будут говорить — зачем же деньги на глупости тратить?!» Хуже обернулось с куревом, но тоже, не будем преувеличивать, не так уж все страшно! Можете ли вы себе представить, сколько в таком большом городе пропадает зря табаку в окурках?

Вдохновленный успехами, я решил ликвидировать чаевые. Разве это мало — искренне и сердечно пожать человеку руку?! Однако самым большим моим достижением на пути бережливости было то, что я осознал простую вещь: стоит ли снимать комнату только для того, чтобы в ней переночевать? Ведь я целый день мотаюсь по городу. К тому же и сплю-то обычно с открытым окном. К чему излишние условности? Разве нельзя выспаться на скамье в парке или под каким-нибудь красивым мостом? Подумаешь, важность какая! Что тут плохого? Как будто мы никогда не слышали и не читали о подобных вещах! Если положить несколько газет... Кстати, известно ли вам, сколько газет пропадает зря в мусорных корзинах?

С каждым днем я достигал все более поразительных успехов на стезе бережливости. Я вызвал этим всеобщий интерес и уважение. Сколько раз, когда я спешил с пачкой газет под мышкой и с кастрюлькой в руке на отдых, встречавшие меня знакомые и даже посторонние люди из чистой симпатии ко мне совали мне в руку небольшие суммы!

И вот таким образом эти мелочи, в которых я себе отказывал, принесли мне заслуженную награду в виде японского транзистора, который я все-таки привез себе из этого Парижа. Правда, не совсем новый, но зато последней модели!

„РУХ"—ЭТО ДВИЖЕНИЕ

В картину польской улицы органически вписался киоск с надписью «Рух». Каждый день жители польских городов, деревень и поселков спешат к ближайшему киоску за своей ежедневной порцией прессы. Там же они покупают сигареты, конверты и почтовые открытки, регулярно приходят к этим киоскам коллекционеры марок и любители художественных репродукций. Если вам понадобилось в воскресенье, когда магазины закрыты, купить духи или авторучку, вы все это найдете в вечно бодрствующем киоске «Руха», который в будние дни открывается раньше любых магазинов и закрывается позже всех. У него много дел и забот, у этого расторопного коробейника. Он контролирует работу Международных клубов книги и прессы в крупных польских городах, клубов прессы и книги в небольших городах и деревнях, филателистических магазинов и издательских салонов.

Во всей Польше существует 27 тысяч торговых точек «Руха». 18 организаций управляют этими точками в воеводствах и в столице, они подчинены главному координационному центру разветвленной организации «Руха» — Центральному управлению по распространению прессы и книги.

И все-таки какова же главная функция этой организации? Прежде всего распространение польской и заграничной прессы в стране, а также польской прессы за границей.

Организация «Рух» была инициатором создания в нашей стране клубов книги и прессы. Эти клубы (а их уже восемь тысяч) приобрели огромную популярность, они проводят весьма разнообразную работу: организуют бесплатные читальни, многочисленные курсы иностранных языков. Клубы прессы устраивают выставки (13 тысяч в год), лекции, исполняют роль центров распространения культуры и просвещения, являются местом отдыха для многотысячных масс трудящихся. В деревнях они — распространители сельскохозяйственных знаний. Тысячи кружков по интересам и самодеятельных коллективов, два издательства, на которые работают четыре типографии, печатающие журналы и книги для детей и молодежи, тематические и краеведческие открытки, альбомы, крупноформатные репродукции произведений искусства, филателистические и другие непериодические издания,—и все это «Рух», организация весьма подвижная, мобильная. Недаром она носит такое броское название: «Рух» — в переводе на русский язык — «движение».

В «Рухе» работает 83 тысячи человек. Заслуга этой организации состоит не только в том, что она приносит миллионные доходы, но главным образом в культурном строительстве Польши.

Польское агентство «Интерпресс».

Фото Станислава Гавлинского.

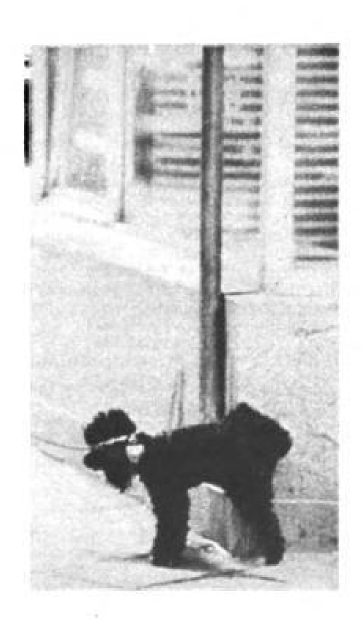
Пейзаж и жанр

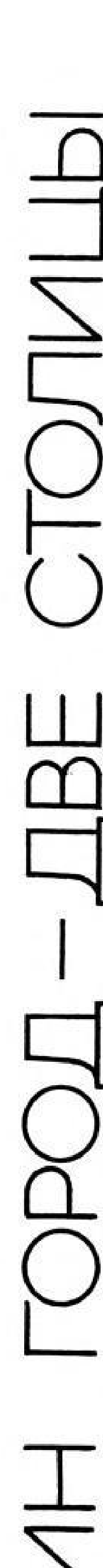

Войцех **ГЕЛЬЖИНСКИЙ**,
Анджей **КАНТОВИЧ**

ОДИН ГОРОД — ДВЕ СТОЛИЦЫ

Когда восемь лет назад решался вопрос, где разместить нефтехимические заводы, которые будут перерабатывать советскую нефть, представители многих городов добивались того, чтобы эти предприятия были расположены именно в их городе. Они оперировали при этом всевозможными аргументами, доказывая, что именно у них самая красивая местность, что все жители их городов с детских лет мечтают о переработке нефти и что уж где-где, а у них самые подходящие условия.

Выбор пал на Плоцк, маленький старый городок на живописном берегу Вислы. Его расположение оказалось удачным для того, чтобы именно через него провести трассу нефтепровода. К тому же в городе были значительные излишки рабочей силы и подходящие территории для строительства больших предприятий.

Позади первая горячка огромной стройки, наплыв специалистов и общественные изменения, связанные с изменением экономического профиля целого района. Это строительство, хотя социологи и отнесли его к «спокойному», внесло существенные перемены в образ мыслей, быт и работу жителей города.

Основной особенностью Плоцка является то, что он, собственно, состоит из двух городов, примерно одинаковых по величине.

Первый город возник одновременно с Польским государством, а по мнению некоторых его жителей, даже значительно раньше. Во всяком случае, тот факт, что Плоцку уже больше тысячи лет, едва ли кто станет оспаривать.

Второй город начал свое существование лишь в 1960 году в силу постановления Экономического комитета при Совете Министров.

Первый город гордится тем, что, несомненно, еще со времен Владислава Германа, а может быть, еще и со времен Болеслава Кривоустого он был резиденцией властителей Польши, а значит, как считают старики, столицей всей страны.

Второй город любит, и с полным для этого основанием, когда его называют столицей польской химии.

В первом городе сенсацию вызывает, например, тот факт, что предполагаемый колодец в Пястовском оборонном замке, оказывается, был местом, куда ходили пешком даже короли Казимир Великий и Владислав Ягелло.

Во втором городе сенсацию обычно вызывают факты, которые для жителей первого города звучат абракадаброй: введен в строй ректификатор, или каталитический крекинг почему-то барахлит, или утверждены лимиты на большой бутадиен.

Первый город гордится своей восьмисотлетней «малаховянкой», без сомнения, самой старой школой в Польше. Второй город гордится своим Политехническим институтом, который, впрочем, является филиалом Варшавского, но через два-три года непременно станет самостоятельным.

В первом городе до недавнего времени принято было считать, что население второго состоит из одних ловкачей, которые совмещают по три должности и незаслуженно получают прекрасные квартиры, в то время как «коренные» плотчане, живущие здесь от деда-прадеда, этого не имеют; мнение второго города о первом: там процветает кумовство, то есть — вы понимаете? — рука руку моет, потому что все они из поколения в поколение — родня.

И все-таки... Все-таки с каждым годом неотвратимо уменьшается эта пропасть, разделяющая два города. Это процесс нелегкий и небесконфликтный, но продолжающийся и неотвратимый. Через десять, может быть, через двадцать лет Плоцк вернется к единству, которое вырастет из борьбы противоположностей. В нем будут жить более 100 тысяч человек, которые, вероятно, с улыбкой станут вспоминать те межвоенные времена, когда Плоцк носил прозвище «Город рантье».

Больше всего стиранию границ старого и нового Плоцка способствует молодежь, которой в общем-то безразличны местные деления и которую не интересуют родословные. Молодежь практична: комбинат вывел город из захолустья, ослабил галстук связывающих его устаревших традиций, предоставил возможность каждому, кто хочет учиться, шансы на хорошую работу и быстрое продвижение.

Нефтехимический комбинат для Плоцка нечто большее, чем Новая Гута для Кракова; там металлургия, несмотря ни на что, не стала для города основным, она не задает главный тон в городе, не создает атмосферы. Здесь, как в Пулавах, химия является для молодежи всем, через ее призму оценивают свое место в масштабах Польши и всего мира, именно она прежде всего создает стремление к получению знаний и квалификации. Каждый третий житель Плоцка (вещь даже в Польше феноменальная!) учится в высшем или среднем учебном заведении. Самая большая тяга — к техническим наукам, которые еще десять лет назад были не на первом плане плоцких интересов. Идеал достойного юриста — главной фигуры старой местной интеллигенции — совершенно проиграл рядом с идеалом современного инженера. Теперь проблема состоит в том, чтобы в этом похвальном техническо-индустриальном энтузиазме не затерялась та функция Плоцка, которую вот уже на протяжении нескольких веков он выполняет как центр культуры.

Все или почти все, что принес-

ла молодежь в развитие города, тесно связано с деятельностью Союза социалистической молодежи. Союз стал инициатором известного по всей стране шефства над нефтехимическими заводами. Многие молодые люди сегодня занимают в Плоцке ответственные должности.

У Плоцкого Союза социалистической молодежи много хороших замыслов. И естественно, в таком городе проблема — как сдружить старое и новое, как сделать, чтобы одно дополняло другое,— занимает среди этих забот не последнее место. В клубе «Марабут» по вечерам организуются встречи пенсионеров. Эти вечера пользуются большой популярностью, а клуб «Марабут» называют теперь еще и клубом «старейшин» или «Клубом веселых старичков». Другой очень удачной инициативой является действующая при клубе бесплатная юридическая консультация. Адвокаты, прокуроры, судьи дают советы, посвящая этой работе свое личное время в рамках общественной работы. Сюда приходят все — и молодые и старые, с самыми различными делами, начиная с осложнений на предприятии и кончая сердечными неурядицами.

Союз социалистической молодежи давно собирается занять одно из городских кафе, лучше всего «Современник», сделав из него процветающий центр культурной жизни. Замысел увлекательный, хотя и трудный для исполнения. Лично нам еще не приходилось встречаться в Польше с удачным сочетанием гастрономии и Союза социалистической молодежи. Хотя это ни о чем еще не говорит. Но совершенно ясно, что было бы хорошо, если бы кто-нибудь нарушил скуку кафе интересной, развлекательной культурной программой.

Со времен шефства Союза социалистической молодежи над стройками нефтехимических заводов осталось многое. Есть в Плоцке даже улица имени Шефства... Осталось и само шефство, но только теперь оно относится к единичным объектам. Осталась идея соревнования в работе. Вероятно, нигде в стране нет стольких бригад социалистического труда, лучших молодых мастеров по профессиям, передовиков труда. Один пожилой житель Плоцка так сказал нам о польских комсомольцах: «Мы уже привыкли видеть белые рубашки и красные галстуки там, где совершаются переломные для города события». Может быть, это и сказано с пафосом, но зато искренне.

...Таков Плоцк — город преобразований — экономических и социальных. А все благодаря счастливому расположению на трассе нефтепровода, по которому вместе с нефтью пришла новая жизнь. Лучшая жизнь.

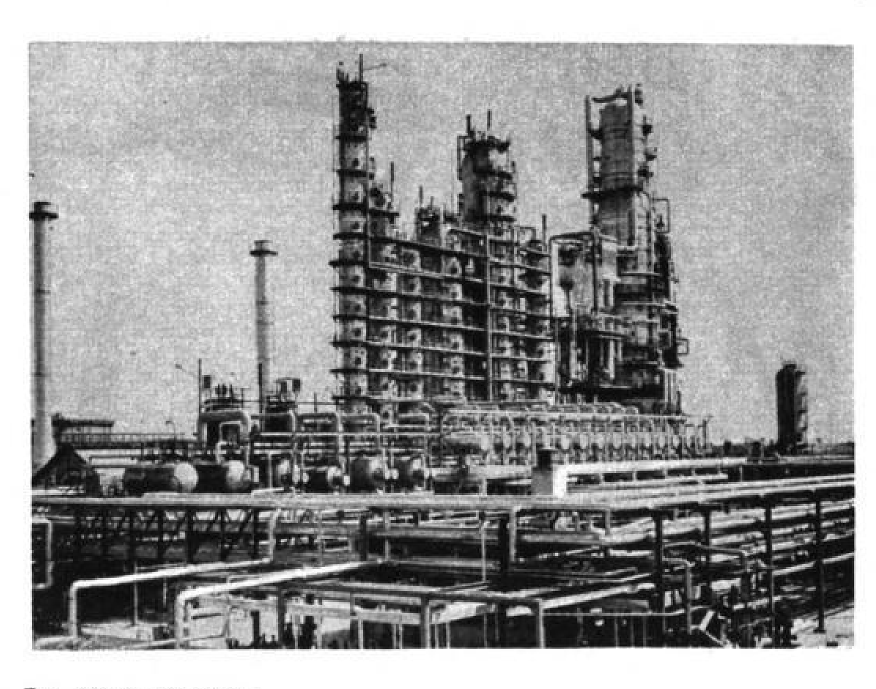
Фото Леопольда ВДОВИНСКОГО.

Город старый.

Город новый.

Его новая гордость.

Его молодые хозяева.

Наш спринт

В последние годы польские спортсмены завоевали заслуженный авторитет в мировом спринте. Любители спорта хорошо помнят триумф поляков на Олимпийских играх в Токио, где наши бегуны на короткие дистанции заняли лучшие места, чем другие европейские легкоатлеты. Веслав Маняк занял четвертое место в беге на 100 метров, уступив только американцу Хейесу, кубинцу Фигероле и канадцу Джерому. В беге на 200 метров Мариан Фойк был шестым. На дистанции 400 метров Анджей Баденьский добыл бронзовую медаль, а в эстафете 4 × 100 метров Польша завоевала серебряную медаль.

Успех сопутствовал нашим спринтерам на первенстве Европы в Будапеште в 1966 году. Маняк стал чемпионом континента, первое место заняла команда Польши в эстафете 4 × 400 метров, серебряная медаль в беге на 200 метров досталась Мариану Дудзяку. Полным триумфом для нас закончился и бег на 400 метров: Станислав Гредзиньский получил золотую медаль, а Баденьский — серебряную.

Так было вчера. А что же происходит в польском спринте сегодня?

Сегодняшняя действительность выглядит менее радужно, хотя и сейчас спринтеры возглавляют нашу легкоатлетическую команду. По-прежнему блистают бегуны на 400 метров, среди которых, однако, произошла некоторая перетасовка. Впереди большой группы бегунов оказался самый молодой, 19-летний Ян Балаховский, который добился эффектной победы на Мемориале Януша Кусочиньского, а также в матче спортсменов СССР, Польши и ГДР в Ленинграде.

В боевом настроении находится и чемпион Европы Гредзиньский, который в прошлом году занялся научной работой и практически почти не уделял спорту внимания. Но олимпийский год заставил его вернуться к тренировкам. На него всегда можно рассчитывать, особенно в эстафетном беге. Темной лошадкой я бы назвал Яна Вернера, бегуна необычайно одаренного, который в нынешнем сезоне не показывает еще лучших результатов.

Но главная наша надежда — это эстафета 4×400 метров. Вот как выглядит четверка лучших польских четырехсотметровиков (в скобках приведены результаты, которые, как надеются тренеры, спортсмены будут показывать непосредственно перед стартами в Мексике):

Балаховский — 46,1 (45,8); Баденьский — 46,2 (45,8); Гредзиньский — 46,5 (46,0); Вернер — 47,0 (45,6). Наша команда вряд ли сможет надеяться на золотую медаль: американцы в этом сезоне вне конкуренции,— но серебряная — в пределах наших возможностей.

А теперь послушаем, что говорит тренер Герард Мах:

— В олимпийском году не все складывалось у нас так, как хотелось. Самая большая трудность заключалась в непрерывных травмах, которые перечеркивали наши планы. Кроме того, в Польше, к сожалению, не появилось в последнее время ни одного талантливого бегуна класса Фойка, Дудзяка или Маняка. Между тем уровень мирового спринта резко поднялся. Американцы преодолели уже барьер 10 секунд, на шаг от этой цели такие спринтеры, как француз Роджер Бамбюк и советский спортсмен Владислав Сапея. Однако мы не теряем надежды на выход а финал в эстафете 4 × 100 метров.

В одном можно быть уверенным: нынешняя олимпиада доставит в спринтерских номерах массу волнений и спортсменам и зрителям.

З. ГЛУШАК,
обозреватель газеты
«Пшеглонд спортовы»

ОГНЕННАЯ ДУГА

Николай АСАНОВ

Повесть

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Глава вторая: ИНЖЕНЕРНОЕ РЕШЕНИЕ БОЯ

1

«В течение 21 апреля на фронтах существенных изменений не произошло.

...Югославские партизаны заняли несколько городов. В Оточаце и Бринье патриоты захватили полтора миллиона патронов, два вагона снарядов, 13 тысяч литров бензина и много оружия. Партизаны разгромили сильную вражескую колонну, прорвавшуюся в город Невесинье. Город полностью очищен от гитлеровцев. Противник потерял только убитыми более 100 солдат и офицеров. В Словенском приморье партизаны совершили успешный налет на итальянские укрепления. Истреблено 80 итальянцев. Захвачено в плен 69 солдат противника. Взяты трофеи: 14 пулеметов, 100 винтовок и много патронов».

Совинформбюро.
21 апреля 1943 года.

В комнате, где лежал больной, образовалось что-то вроде штаба. Порой Вита не могла побыть наедине с мужем и пяти минут в день.

В соседнем кабинете теперь стояли телеграфный аппарат, три телефонных, там постоянно дежурили два солдата-связиста, ожидали разговора с Толубеевым какие-то штатские люди, и все это больше походило на учреждение, нежели на жилую квартиру. Впрочем, Толубеев и на самом деле руководил штабом, хотя с трудом мог подняться с постели. Полковник Кристианс, словно бы извиняясь за причиняемое Вите беспокойство, объяснил:

— Вита Арвидовна, ваш муж получил новое назначение: он является военным представителем при наркомате танковой промышленности.

— Но он же болен! — жалобно сказала Вита.

— Попробуйте в такое время отстранить его от дела, и он не выдержит недели! — решительно сказал Кристианс.

— Но ведь на фронте затишье! — настаивала Вита.— Вот, смотрите.— Она протянула полковнику газету и процитировала без запинки ставшую привычной фразу: — «В течение ночи на 23 апреля на фронтах существенных изменений не произошло».

Полковник взял у нее газету, поискал что-то в ней глазами и спросил:

— А вот этот абзац в сводке вы читали?

Да, она читала. И пыталась осмыслить, что бы это значило? «Пленный летчик 2-й группы 1-й немецкой бомбардировочной эскадры обер-фельдфебель Генрих Титьен рассказал: «Два отряда второй группы с Брянского аэродрома и два отряда третьей группы с Орловского аэродрома получили задание 11 апреля подвергнуть бомбардировке гор. Курск. На подступах к городу наши самолеты были рассеяны советскими истребителями. Мне, как и большинству летчиков, не удалось достигнуть Курска. Самолет был подбит русскими зенитчиками, и я даже не успел сбросить бомбы. Недавно я побывал в Германии. Тотальная мобилизация была в полном разгаре. В армию призвали новые тысячи людей. Они должны заполнить бреши, образовавшиеся зимой в рядах немецких войск. Но то, чего не могли добиться отборные кадровые немецкие дивизии, тем более окажется не под силу глубоко штатским людям, теперь призванным в армию. Все эти пожилые торговцы и служащие, лакеи и кельнеры, наспех одетые в солдатские мундиры, не отвечают суровым требованиям войны на Востоке и будут перемолоты в первых же крупных сражениях».

— Ну и что? — спросила она.— Судя по рассказу этого немецкого летчика, немцам некем пополнять армию!

— Нет, этот обер-фельдфебель не так уж глуп! Он отлично знает, что все эти кельнеры и лакеи, пожилые торговцы и служащие призваны в армию совсем не для того, чтобы залатать дыры на Восточном, как немцы называют, фронте Эти, действительно дрянные дивизии будут отправлены

Продолжение. См. «Огонек» №№ 30—35.

на Западный фронт, а оттуда будут переброшены на Восток, отдохнувшие, сытые, пополненные дивизии и армии. И — тут уж этому Генриху Титьену не повезло — он даже указывает примерно, где эти дивизии бросят в мясорубку,— под Курском! Мы не знаем пока только одного: когда это произойдет? В мае? В июне? Еще позже? Но мы должны быть готовы в любой момент встретить и отбить этот удар...

— Но при чем тут Вольёдя? — с горечью спросила она.

— Владимиру Александровичу и группе окружающих его производственников поручено инженерное решение этого будущего боя,— суховато сказал Кристианс и поторопился откланяться.

2

«В течение ночи на 1 мая на фронтах существенных изменений не произошло».

Совинформбюро.
1 мая 1943 года.

Но теперь Вита научилась читать сводки. В этой же сводке, после нескольких боевых эпизодов, она опять наткнулась на показания пленного. «Пленный солдат штабной роты 85-го полка 5-й немецкой горнострелковой дивизии Арнульф Реймунд заявил: «Тотальная мобилизация — это последняя отчаянная попытка отодвинуть час окончательного разгрома немецкой армии. Германия собрала свои последние людские резервы. Однако многие немцы считают, что тотальная мобилизация не может предотвратить надвигающейся катастрофы».

А еще ниже публиковалось письмо русской девушки, насильно вывезенной в Германию. Судя по всему, немцы давно уже перешли во многих отраслях промышленности на рабский труд пригнанных из всех стран Европы людей. И тогда понятие ТОТАЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ расширилось для Виты еще больше: получалось, что Гитлер мог снова оперировать миллионными армиями, как было в начале войны...

А противостояли ему во всей Европе одни лишь русские армии.

В эти дни Толубееву разрешили ходить. Наступила поздняя весна, дождаться которой Вита и не надеялась.

В этой суровой военной Москве весь апрель лежали горы снега, трамваи и троллейбусы еле ползли между сугробами, но вот снег намок, почернел и исчез в одну из ночей, в палисадниках перед домами зазеленела трава, которую никто не подстригал, на газонах появились желтые цветы, ничем не похожие на садовые, но все-таки скрашивавшие запущенные парки. Первого Мая Толубеев организовал у себя обед для всех своих помощников. Заехал на несколько минут заместитель наркома, наведался Кристианс с месячным прогнозом погоды: почему-то Вольёдя очень интересовался этими прогнозами. А вечером Вольёдя сказал, что вылетает завтра на Урал.

Вита бросилась к телефону, отыскала полковника Кристианса — он опять был на работе — и заявила ему, что никуда мужа одного, без себя, не пустит. Кристианс рассмеялся в ответ и сказал, что подполковник Толубеев летит не один: с ним летят несколько инженеров, сестра Лидия и, если Толубеев этого пожелает, его личный секретарь Вита Арвидовна Толубеева. Там, куда едет подполковник, помощь Виты Арвидовны ему будет необходима...

Толубеев стоял рядом и улыбался, но Вита даже не рассердилась на него: она была нужна!

На следующий день к вечеру они были на знаменитом пушечном заводе, название которого Вита слышала каждый раз, как у Толубеева собирались инженеры.

Были поразительны пространства этой страны: они летели целый день, а добрались только до средней линии России. И еще более удивительно было то, что огромный город был полон света, как будто тут и не вспоминали о войне. Но люди на улицах были плохо одеты, плохо обуты, с худыми, утомленными лицами, и это горше всего напоминало о войне. Только дети остались такими же шустрыми, хотя, может быть, и голодными. И все радовались весне.

В распоряжение группы Толубеева предоставили маленькое общежитие на берегу реки, со столовой, с комнатой отдыха, со спальными комнатами,— видно, их здесь ждали. Правда, директор завода, тучный человек с тяжелыми бровями, попытался отговорить Толубеева от немедленной поездки на завод, но подполковник настоял на своем.

Ночь была белая, как в Норвегии, в Киркенесе, вечерняя заря пламенела на западе, а на востоке уже пробивался первый свет недалеко скатившегося солнца. И завод в эту пору, меж днем и ночью, выглядел еще могущественнее, огромнее, чем если бы смотреть его днем. Дальние цехи пылали огнями на всхолмлениях за пять-шесть километров от центральной проходной. Инженеры по этому заводу не ходили, а ездили на машинах, потому что пешком его было бы не обойти за весь день. Директор посадил Толубеевых в свою машину, туда же сел тот молодой инженер, что был на первом совещании у постели раненого Толубеева, и они въехали через металлические кованые ворота на территорию завода.

Машина остановилась у дверей какого-то цеха, длинного, из бетона и стекла, здания, наверное, оно было в полкилометра, и молодой инженер помог выйти Толубееву, подал руку Вите, их окружили сопровождающие военные и инженеры, и все вошли в цех.

Вита увидела что-то похожее на большие телеграфные столбы, лежащие пачками один на другом, может быть, стволы деревьев, как их называют по-русски? Бревна? И только тут догадалась, что это именно стволы, но стволы орудий. Чуть дальше эти стволы плыли по воздуху на цепях многочисленных кранов, один за другим, краны останавливались, стволы опускались на металлические подставки, и возле них возились рабочие, что-то проверяя, придерживая к ним, а потом они плыли дальше. И когда Вита вслед за Толубеевым добралась до конца цеха, она увидела, как там эти стволы ставили на бронированные гусеничные машины, в машину быстро и ловко взбирались четыре солдата, исчезали за бронированными люками, взревывал мотор, и массивная эта установка выкатывалась за высокие ворота, в белую прозрачную ночь, а на ее месте появлялась новая гусеничная машина, и опять тяжело ложился ствол — уже готовая пушка,— и снова начиналось превращение машины в самоходную артиллерийскую установку. И опять появлялись четыре солдата, ревел мотор, машина выходила за ворота, и под нею сотрясалась земля, бетонный пол качался, как будто начиналось землетрясение.

Полигон находился на берегу реки, а за рекой виднелся изуродованный лес, и там, в лесу, отлично видимые в рассветной заре, двигались какие-то темные предметы, отдаленно напоминающие танки. На полигоне стояло десятка два самоходок, и когда Толубеев со своей инспекторской группой подъехал сюда, пушки уже стреляли по тем двигающимся предметам. Толубеев прошел в небольшой блиндаж, и Вита услышала, как телефонист, принимавший донесения с того берега, после каждого выстрела то преувеличенно радостно восклицал: «Есть попадание!»,— то смущенно бормотал: «Цель не поражена!» Но она уже подсчитала, что обрадованных возгласов было больше, и успокоилась за мужа.

К ней подошел директор, сказал, что товарищ подполковник еще задержится, и пригласил в свою машину. Он отвезет ее в общежитие. Она поняла, что у Толубеева привычное деловое совещание, на котором ей не следует присутствовать, и села в машину.

Сестра Лидия уже командовала несколькими девушками, накрывавшими праздничный стол. И хотя еды было не так уж много, но стол был украшен цветами, приборы блестели, вина и водки стояло столько, что Вита сначала испугалась, однако сестра Лидия успокоила ее: Владимир Александрович ничего, кроме бокала шампанского, не выпьет. А Вите Арвидовне лучше всего принять сейчас ванну: металлическая и масляная пыль, висящая в воздухе на заводе, проникает даже сквозь брезентовые костюмы.

Толубеев, его инспектора, инженеры, руководители завода вернулись именно к завтраку, в шесть часов утра. Вита уже спала, но, услышав шаги мужа, проснулась. Он, видимо, только что принял душ и расчесывал мокрые волосы. За стеной слышалось тихое звяканье посуды, размеренные голоса. Она оделась и вышла вместе с мужем в столовую.

В маленькой комнате рядом со столовой сестра Лидия диктовала солдату-телеграфисту длинные ряды цифр. Вита улыбнулась: Лидия имела слишком много профессий, чтобы быть простой сестрой милосердия. Надо бы расспросить ее, где она выучилась шифровальному искусству? Впрочем, может быть, сестра Лидия успела побывать за линией фронта? В сводках Информбюро она с особым вниманием читает краткие сообщения с той стороны фронта...

За столом все принялись поздравлять молодого инженера. Он смонтировал новое самоходное орудие за одиннадцать дней! Директор сказал, что если немцы дадут им, пушкарям, еще хоть месяц сравнительного спокойствия, то заказ наркомата обороны будет выполнен со значительным превышением. И инженеру и директору долго аплодировали, но жила в их сердцах и тревога, потому что репродуктор, стоявший на окне, не был выключен, и когда послышались в семь утра позывные, все замолчали, стало так тихо, что у Виты защемило сердце.

Левитан спокойно сказал:

«В течение ночи на 3 мая на фронтах существенных изменений не произошло...»

Через две недели, когда Толубеев вместе со своей инженерной группой был уже на юге Урала, где новый танковый завод выпускал тяжелые танки «ИС» со стадвадцатидвухмиллиметровым орудием, их нагнал полковник Кристианс.

Он летел всю ночь, благо ночи были светлые, короткие, а поздоровался с Витой и Толубеевым так, словно вошел из соседнего номера гостиницы, в которой они тут жили уже десятый день. Распахнул дверь, улыбнулся, сказал:

— Вита Арвидовна, я вижу, вы прекрасно отдохнули! А вот мне и Владимиру Александровичу не помешает чашечка крепкого кофе по вашему рецепту...

— Здесь нет кофе! — жалобно сказала Вита.

— Генерал Коробов услышал ваши жалобы! — строго сказал полковник и поднял руку к потолку, словно указывал на всевышнего и всевидящего.— Вот! — И вынул из портфеля пакет драгоценных зерен и турецкую медную мельничку с каменными жерновами.

Лидия, с улыбкой наблюдавшая эту встречу, сразу выхватила пакет и мельничку из его рук. Пожалуй, она одна знала, как трудно было Вите без привычной чашки кофе. Да и Владимир Александрович, оказывается, снова пристрастился к этому напитку. Завладев драгоценным подарком, сестра Лидия немедленно исчезла. Тут Кристианс внезапно посерьезнел, достал из портфеля пакет с какими-то документами, выложил на стол.

— Вот, посмотрите, Вита Арвидовна! — пригласил он, взламывая сургучные печати и вскрывая тяжелый, плотный конверт.

На столе перед Толубеевым и Витой лежали два десятка фотографий «тигра».

«Тигр» был новенький, сияющий свежей окраской даже на черно-белой фотографии, как будто его снимали на полигоне. Окраска была светлой. Кристианс пояснил: оливковая, под цвет пустыни, для африканского корпуса генерала Роммеля. Снят он был во всех ракурсах: сбоку, спереди, сзади, сверху,— видно было, что тот, кто делал эти

снимки, не торопился и любил свою профессию. Оба, и Вита и Толубеев, глядели изумленно на эти снимки, вспоминая с горечью маленький любительский снимок Виты.

— Английская разведка? — предположил Толубеев.

— Вы судите по окраске? — усмехнулся Кристианс. — А присмотритесь-ка к фону, — предложил он.

Фон был смыт на всех снимках, но все-таки что-то от него осталось. Толубеев поднял один из снимков и взглянул сквозь него с обратной стороны на свет. Вита тоже принялась рассматривать снимки перед окном. На одном из снимков явственно возникли дальняя граница леса, размытые изображения русских крестьянских изб...

— Это же наш Север! — пораженный, воскликнул Толубеев.

— Да, это Россия! — подтвердила и Вита. Теперь она уже знала Северную Россию, знала Приуралье и никогда бы не спутала эти пейзажи с другими.

— Да, Россия! — торжественно сказал Кристианс. — Но это не все. Посмотрите еще эти документы...

Он достал из пакета несколько листков машинописи. Толубеев развернул их веером: это было техническое описание танка, его параметры, толщина брони, устройство дизельного мотора, электрооборудование, вооружение, уязвимые места и прочее и прочее. Это была работа целого инженерного коллектива, ибо о каждой особенности танка говорилось языком знатока...

— Но как это возможно? — растерянно спросила Вита.

Лидия принесла кофе, и Кристианс промолчал.

Когда она ушла готовить вторую порцию на маленькой мельничке, Кристианс тихо заговорил:

— После получения вашего снимка, Вита Арвидовна, генерал Коробов распорядился, чтобы все зафронтовые разведчики обратили внимание на появление в местах их действий новых танков. Выяснилось из перехваченных в разное время документов немецкого командования, что у немцев есть не только «тигры», но танки другого типа — «пантеры» — словом, почти зверинец. А к ним прибавились самоходные пушки «фердинанд». Но все эти новинки немцы держали далеко от фронта, очевидно, рассчитывая на неожиданность. И вот несколько дней назад на Волховском фронте разведчики внезапно обнаружили два полка новых танков в резерве командующего армией фон Бальца. Что они должны были делать на этом болотистом плацдарме, понять было трудно. Там еще в полной силе водополье, болота, поймы рек и речушек, озера, на которых еще не полностью растаял лед. Но наш генерал знал, что фон Бальц — любимец фюрера. Уж, наверно, он хотел показать своему обожаемому фюреру эти игрушки в действии. А кроме того, фон Бальц — истерик, подражающий Гитлеру во всем, даже в истерике...

Вита не поняла, какое значение имеют личные недостатки генерала фон Бальца, но Толубеев почему-то усмехнулся. Она удивленно взглянула на мужа.

— Дальнейшее можно описать просто, — сказал Вольёдя, — на фон Бальца нажали с фронта, и он швырнул эти «игрушки» в бой!

— А вы еще говорили, что больше инженер, чем командир! — с усмешкой, но вполне довольный, отметил Кристианс. — Все именно так и произошло. Коробов и полковник Корчмарев обратились в Ставку Главного командования, объяснили положение, и Ставка дала «добро». Они вылетели на фронт, изучили на месте условия, а пять дней назад «нажали» на фон Бальца. Там есть межозерное дефиле с насыпной дорогой. За ночь наши войска захватили это дефиле и вклинились в немецкие позиции больше чем на пять километров. В эту же ночь саперы выкопали на дамбе волчьи ямы, замаскировали их, а когда фон Бальц швырнул в бой свои «тигры», — правда, всего пять штук, — наши сначала попятились, а потом отсекли танки от пехоты. Три танка улизнули обратно, один был подожжен, а пятый — вот он! Его вытащили целехоньким, выволокли в наш тыл, а потом тихонько вернулись на свои старые позиции.

3

ВЕЧЕРНЕЕ СООБЩЕНИЕ

«В течение 23 июня на фронте существенных изменений не произошло.

...Западнее Белгорода подразделения Н-ской части вели разведку обороны противника...»

Совинформбюро.
23 июня 1943 года.

Вечером двадцать четвертого июня они вернулись в Москву. Группа Толубеева осталась, но его отозвали. Полковник Кристианс не забыл любезно добавить в вызове: «С личным секретарем Витой Арвидовной Толубеевой». К этому времени Вита уже разобралась, что всякое путешествие в воюющей стране связано с обязательным пропуском и вызовом или предписанием.

За эти полтора месяца они облетели и объехали весь Урал и почти всю Сибирь. Вита с удивлением видела, что в тех местах, где, по ее представлению и по сообщениям газет всего мира, по улицам городов ходят живые медведи, чаще всего проходили с заводов на вокзалы колонны отгружаемых на фронт танков, с аэродромов, спрятанных в глухой тайге, взлетали новенькие самолеты и устремлялись на запад; навстречу им, едущим с запада, — если они ехали по железной дороге, — шли сотни составов... Правда, их «литерный поезд» обычно пропускали без задержек дальше и дальше на восток, но случалось и так, что приходилось часами стоять на разъездах, потому что навстречу шел эшелон за эшелоном впритирку. Тогда Вита выходила вместе с сестрой Лидией из вагона, и на таких глухих разъездах они собирали раннюю землянику или пахучие цветы багульника, а иногда и купались. Толубеев обычно в это время спал. Он так уставал во всех этих «инспекциях», что порой возвращался в номер гостиницы или заводского общежития совсем больным. Тогда сестра Лидия укладывала его в постель, делала уколы или давала снотворное, и обе женщины чутко следили за его отдыхом. В такие дни сестра Лидия становилась неприступной: какой-нибудь директор или главный инженер мог сколько угодно кричать на нее, она выслушивала все, не поднимая глаз, отвечала, не повышая голоса: «Подполковник болен. Он будет разговаривать с вами завтра в таком-то часу!» — и точно называла час, в который Толубеев поднимется снова здоровым и сильным.

Для одного только человека сестра Лидия делала исключение — для полковника Кристианса. Полковник Кристианс ежедневно присылал Толубееву короткую зашифрованную телеграмму. Сестра Лидия расшифровывала ее и, как только Толубеев просыпался, подавала ему шифровку. И в течение всего их путешествия по военным заводам шифровка оказывалась простой: «Здоровье больного удовлетворительное».

Прошел именно тот месяц, о котором мечтал в мае директор пушечного завода, когда вдруг Лидия, расшифровывавшая очередную телеграмму Кристианса, охнула, взглянула на Виту какими-то слепыми глазами: вряд ли она даже видела Виту, — бросилась в комнату, где только что напичканный снотворным спал Толубеев, и принялась его будить. Толубеев с трудом раскрыл слипающиеся веки, и она подала ему телеграмму, решительно и жестко крича:

— Да проснитесь же, Владимир Александрович!

— «Больной начал ходить», — прочитал Толубеев, и Вита видела, что он еще не совсем проснулся.

ПАМЯТИ ТОВАРИЩЕЙ

К. НЕПОМНЯЩИЙ.

А. ЗВОРЫКИН.

сбиты в вертолете в Чехословакии

Тяжелый, скорбный долг — писать о товарище, которого уже нет в живых.

Погиб Карл Непомнящий.

Погиб коммунист, журналист, солдат.

Несколько дней назад Карл Ефимович, в прошлом репортер «Огонька», отдавший не один год своего труда журналу, позвонил в нашу редакцию, чтобы попрощаться с друзьями перед очередной командировкой. Он уезжал в Прагу. Таков был характер этого человека: повинуясь зову своего журналистского сердца, по-солдатски бесстрашного, он всегда стремился быть в самом горячем месте, там, где происходят сегодня самые главные события. Его оружие — перо коммуниста — было всегда острым, талантливым, готовым к защите дела социализма.

Тогда мы еще не знали, что в последний раз слышим голос Карла...

Карл Непомнящий погиб на посту. Фашистские пули не смогли оборвать его жизнь, когда он был фронтовым корреспондентом в грозные годы Великой Отечественной войны. Смерть наступила от руки контрреволюции.

Можно сказать: погиб как солдат. Но с таким же правом можно сказать: погиб как журналист. Он всегда с величайшей ответственностью относился к своей профессии. Он любил ее и был предан ей. Он знал, чего эта профессия требует от человека. Обладая огромной энергией, он отдавал своему делу всего себя. Так было во время Отечественной войны, когда Карл Непомнящий летал через линию фронта к партизанам. Так было в послевоенные годы, когда он без устали странствовал по стране, ища героев своих репортажей и очерков на мирных фронтах строительства. Так было до последнего дня, когда журналист-международник Карл Непомнящий рассказывал читателям «Правды», «Известий», «Огонька» о героях нашего времени — зарубежных коммунистах, о бурных событиях в Конго, о патриотах Греции, о борьбе сил мира против поджигателей войны.

Советское правительство высоко оценило его заслуги перед нашей журналистикой, перед народом, наградив его орденами Боевого Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почета» и медалями СССР.

Огоньковцы скорбят о смерти своего товарища и верного друга. Они глубоко разделяют горе близких Карла Ефимовича и Александра Александровича Зворыкина, журналиста Агентства печати «Новости», который погиб вместе с К. Непомнящим.

Два советских журналиста погибли, выполняя свой долг. Их имена войдут в историю советской журналистики.

Прощайте, наши коллеги, наши товарищи!

ОГОНЬКОВЦЫ

— Владимир Александрович, Владимир Александрович! — тормошила его сестра Лидия, но он уже опять опустил голову, и глаза его закрылись.

— О, господи! Кофе! Скорее! — воскликнула сестра. Вита принесла кофе, но Толубеев уже проснулся, он сидел на кровати с блестящими глазами и снова перечитывал телеграмму. Вдруг он охнул, схватил чашку кофе, выпил, обжигаясь, попросил:

— Вита, помоги мне одеться! — Крикнул Лидии: — Что же вы стоите? Вызывайте всех сюда!

Лидия побежала к телефону, а Вита помогла ему одеться. От снотворного он был похож на маленького обиженного мальчика и ничего почти не мог делать сам. Когда она застегнула на нем гимнастерку и помогла обуть сапоги, он тихо сказал:

— Кристианс сообщает, что немцы наметили участок для наступления: от Белгорода на Курск и от Орла тоже на Курск. Они собираются срезать наш Курский выступ... Но какой он молодец! У нас еще не меньше недели, а все новые орудия уже на железнодорожных платформах и находятся вблизи фронта...

В рабочую комнату начали сходиться помощники Толубеева. И Вита поразилась: еще только что бессильный, ее муж вдруг стал решительным, жестким. Его немногословные распоряжения сыпались, как град, словно состояли из одних твердых согласных. Офицеры один за другим покидали кабинет, за окном рокотали моторы, развозя их на завод, на аэродром, на вокзал. Через полчаса никого вокруг не было.

Солдат-телеграфист принес новую шифровку. Кристианс предлагал вернуться в Москву...

Москва оказалась жаркой, в тополином пуху. На бульварах девушки в военных гимнастерках поднимали в темнеющее небо сигары аэростатов. В этот приезд Москва и москвичи казались более спокойными: повидимому, привыкли к тому, что вот уже несколько месяцев сводки убеждали — на фронте все спокойно. А зимние победы так отодвинули немцев, что те перестали показываться даже в небе...

Толубеевых привезли в ту же самую квартиру, где они поселились впервые. Сестра Лидия, сопровождавшая их, позвонила куда-то по телефону, и в квартире немедленно появился профессор.

Профессор довольно долго выстукивал и выслушивал Толубеева, проверил давление; сестра Лидия взяла кровь и тут же произвела анализы. Просмотрев ее записи, врач удивленно сказал:

— Современная медицина переживает удивительные открытия. Во время войны у больных людей начисто исчезают язвенные поражения желудка, тяжелые экзематозные явления, колиты, гастриты и еще десятки болезней...

— Это не удивительно,— смеясь, сказал Толубеев.— В простой пище нет таких раздражителей, как в деликатесах. Когда вы, профессор, последний раз ели черную икру?

— Да, пожалуй, именно перед войной,— ответил профессор.— Но меня занимает другое: судя по анамнезу, вы недавно перенесли три операции на желудке. Затем вам прострелили легкое, едва не попав в сердце. Я выпустил вас из-под наблюдения на все эти два месяца только благодаря административному нажиму. Что я ожидал увидеть? Полное истощение организма, малокровие, если хотите, инвалидность. А что я увидел? Совершенно здорового человека, правда, переутомленного, но это уже не следствие болезни, а следствие большой физической нагрузки. Вы, подполковник, спутали мне все карты, но я со спокойной душой подпишу акт о полном вашем выздоровлении и о возвращении к боевой деятельности...

Позже приехал Кристианс.

Продолжение следует.

«Шленск», «Мазовше» — кто в мире не знает эти замечательные танцевальные коллективы народной Польши! Им рукоплещут все континенты Земли. Они вобрали в себя не только краски страны, породившей их, но и музыку, изящество, темперамент народа. Это профессиональные коллективы. Однако в Польше существует и много любительских ансамблей песни и танца, по мастерству близко стоящих к своим старшим товарищам-профессионалам. И, пожалуй, лучшим из них является ансамбль «Краковяк», возникший шестнадцать лет назад в Краковском воеводстве, строящий свою программу на богатстве песенного и танцевального искусства, родившегося в предгорьях Татр.

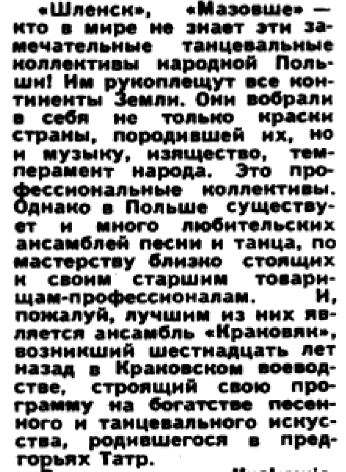
Руководитель «Krakowiacy» Збигнев Пеньковский, известный в Польше балетмейстер, рассказывает:

— Все началось с «Березки». Выступали ваши девушки в Кракове, и у молодежи нашего города зародилась мысль: а не попробовать ли создать свой ансамбль? Трудным было начало: костюмы, которые мы искали в окрестных селах, отбор талантов, репетиции... Занимались только по вечерам. Ведь наши артисты все работают на предприятиях города. Но теперь все это история. С тех пор наш ансамбль, состоящий из трех групп — хор, балет, оркестр,— дал более полутора тысяч концертов. Мы выступаем не только в рабочих клубах и концертных залах нашей страны. Побывали и за рубежом. С обрядовыми, свадебными и другими песнями и танцами Краковского воеводства мы познакомили жителей Франции, Венгрии, Румынии, ГДР, Чехословакии, Болгарии...

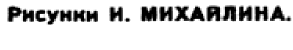
У «Краковяка» большие планы на будущее. Новая программа, новые концерты. И, конечно, отделка, шлифовка, совершенствование того, что, казалось бы, стало привычным и традиционным.

И. БОРИСОВ

Рисунки И. МИХАЙЛИНА.

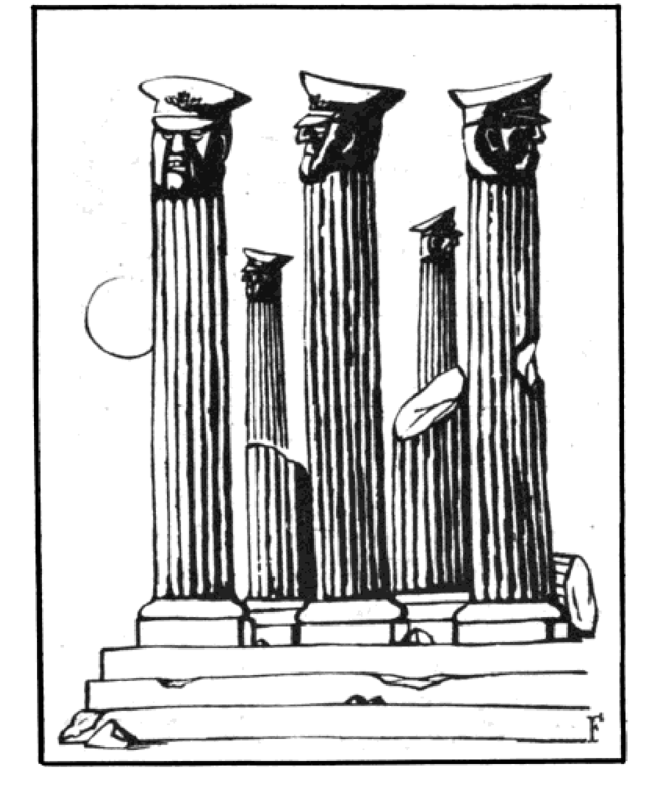

— Почему кофе такой холодный?
— Потому, что вы заказали его два часа назад.

Рисунок Иоланты Карчевской.

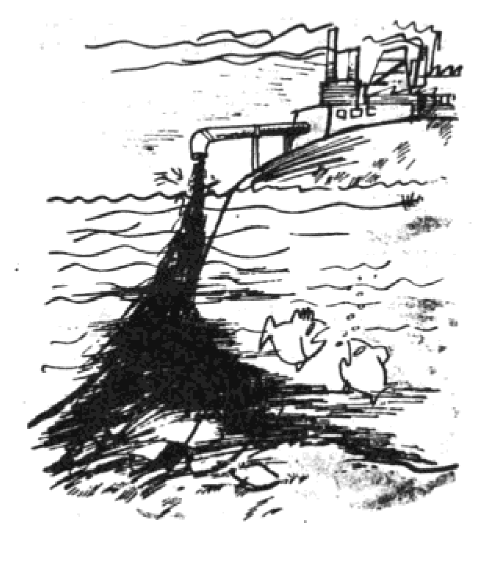
Греция. Капители.

Рисунок Ежи Флисака.

— На время ревизии вас заменит пани Мариола.

Рисунок Ежи Флисака.

Что отравляет тебе жизнь?

Рисунок Юлиуса Пухальского.

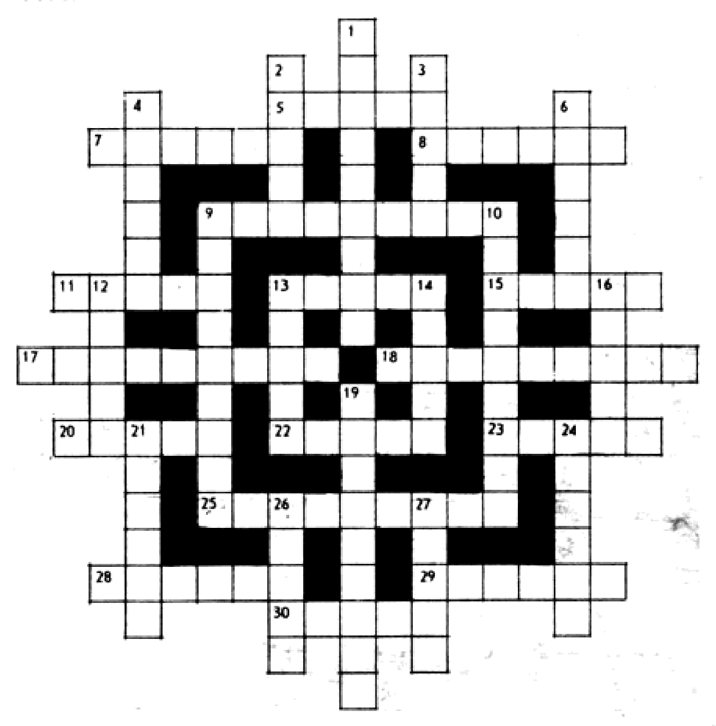
КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Опера С. В. Рахманинова. 7. Озеро в Швеции. 8. Промысловая рыба из рода сигов. 9. Город в Ленинградской области. 11. Киргизский народный эпос. 13. Немецкий композитор XIX века. 15. Слой осадочных горных пород. 17. Легкая переносная лестница. 18. Меткое народное изречение. 20. Курорт в Дагестанской АССР. 22. Объявление о спектакле. 23. Помещение для автомобилей. 25. Материк. 28. Первый директор Пулковской обсерватории. 29. Спортивная игра. 30. Автор сказки «Красная шапочка».

По вертикали:

1. Тонкий глянцевитый картон. 2. Женское пальто. 3. Название небольшой горы на Дальнем Востоке, в Сибири. 4. Персонаж пьесы М. Горького «Варвары». 6. Река в Красноярском крае. 9. Лесная ягода. 10. Раздел геометрии. 12. Главная артерия. 13. Коробка подшипника от вагона. 14. Ритмическая единица стихотворной речи. 16. Яркая звезда в созвездии Девы. 19. Самопишущий прибор для регистрации влажности воздуха. 21. Один из зачинателей таджикской советской литературы. 24. Горнопромышленное предприятие. 26. Безлесное пространство. 27. Открытый прилавок.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 35

По горизонтали:

5. Балетмейстер. 8. «Хорошо!». 9. Рекорд. 10. Мухина. 13. Ессентуки. 15. «Пересолил». 17. Бронетранспортер. 20. Платформа. 22. «Нахлебник». 24. Лаплас. 26. Суонси. 27. Азимут. 28. Метеорология.

По вертикали:

1. Хакодате. 2. Мегом. 3. Истра. 4. Геркулес. 6. Шоссе. 7. Просо. 11. Универсиада. 12. Наперстянка. 14. Суббота. 16. Лигроин. 18. Козинцев. 19. Алюминий. 21. Тимур. 23. Бурун. 24. Лицей. 25. Садок.

Редакция журнала «Огонек» выражает сердечную благодарность за помощь польскому агентству «Интерпресс», редакциям журналов «Пшиязнь», «Шпильки» и «Доокола Швята», всем польским товарищам, которые приняли участие в создании этого специального номера.

На первой странице обложки: Прошлое и будущее. Памятник героям Варшавы. И девчушки-близнецы, выросшие под безоблачным небом,— будущее Польши, ее радость и светлая надежда.

На последней странице обложки: Молодежь на Вестерплятте — тут началась вторая мировая война. Отдыхает Варшава. Утро Гданьской судоверфи. Солдаты мирной Польши.

Фото Л. Шерстенникова.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление И. МИХАЙЛИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

А 00470. Сдано в набор 13/VIII-68 г. Подписано к печ. 27/VIII-68 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 050 000 экз. Изд. № 1421. Заказ № 2286.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Дождик...

Пейзаж и жанр

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663